

Черные сны

Автор:

[Андрей Лабин](#)

Черные сны

Андрей Лабин

Паскудники – невидимые твари, которые питаются страхами и страданиями людей. Как правило, они выбирают старых, больных, немощных. Их можно увидеть через разбитые очки капитана – они омерзительны. Их разносят по домам в птичьих клетках, и у них есть покровитель. Они смертны, с ними можно бороться. Но кому это надо? Егор Нагибин – один из немногих, кто решился заступиться за стариков и осмелился войти в интернат для престарелых. Выиграет ли он в этой борьбе или проиграет – не важно. Важно другое...

Глава 1. Пожар

– Послушай меня, – Сивков заговорщицки посмотрел по сторонам. В сумерках комнаты блеснули его глаза. И хотя Егор сидел от него буквально в полуметре, тот поманил его пальцем.

– Что? – Егор подался вперед, уперся грудью в столешницу.

– Это все паскудники, – еле слышно прошептал Сивков и снова «прошелся» подозрительным взглядом по стенам, чуть задержался на шкафе и с минуту буравил темный коридор. Показалось, что кто-то стоит за спиной, и Егор обернулся. Никого.

Ему не нравилась ни эта неопрятная однокомнатная квартирка, ни этот щуплый пенсионер с крошками в усиках, ни запахи мочи и зверья, витающие в спертom

воздухе. Он поддался настроению старика. Возможно, тому виной полумрак, хмурый день за окном, шорохи крысы.

Егор не стал в отместку за мимолетный испуг и обманутые ожидания насмеяться над пенсионером. Его не для этого отписали на «мастерапию». Понимание и терпимость теперь должны стать главными его добродетелями. Продержаться несколько недель, и он снова вернется в свое подразделение.

Не меняя позы, Егор продолжал слушать Сивкова, но уже откровенно скучая. Старик не замечал этого. Наклонился к нему еще ближе и продолжал шептать чуть ли ни в само ухо, обдавая щеку дыханием:

– Они мне все сны выпили, паразиты. По ночам спать не дают. Посмотри на мои глаза.

Егор отстранился и безразлично посмотрел в мутные глаза старика. Тот замер и шире распахнул веки. Мокрые выцветшие с черным расширившимся зрачком с бледной радужкой они напоминали вымерзшие глаза рыбы. Покрасневшие веки делали их еще менее выразительными и кроме неприязни, Егор ничего не испытал и тем более ничего в них не увидел.

– Видел, какие они у меня? Я уже три ночи не сплю. Они шумят. Да. А днем я не могу. Все ровно, что в голову залезли, такие паскудники, – шептал Сивков. Егор вдруг заметил, что палец старика двигается по разлинейному в клетку листу, как бы сам по себе. В этой тетради, которая лежала на столе, пенсионер делал наброски карикатур и затем перерисовывал в альбом. Рисунок простым карандашом был невнятным. Линии, линии, загогулины, круги, они повторялись; штрихи местами ложились так плотно, что казалось, он оттачивал грифель.

Приглядевшись, Егор различил нечто напоминающее крысу. Вроде этот пучок изогнутых линий – покатая спина. Волосы топорщились, как иглы дикобраза. Что это? Уши? У крыс таких не бывает. И с головой что-то не то. Сквозь черные линии проступала жуткая морда. Егор вглядывался и не мог разобрать, лишних линий было очень много, словно старик пытался зачеркнуть свой набросок. И все-таки это была крыса. Для сравнения Егор повернулся и посмотрел на клетку, которая стояла на подоконнике. Крыса присела на задние лапки, передними обхватила железные прутья. Красными капельками глаз она смотрела на Егора, а вытянутая ее мордочка дергалась, словно она принюхивалась к нему.

– Это надо заканчивать, – продолжал шептать пенсионер, – у меня для них кое-что есть. Ага, тока ты молчок. Я уже больше не могу, – стал подвывать Сивков, – мои мозги... – затем встрепенулся и серьезно, – а тебе больше никто не говорил о паскудниках?

Егор покачал головой.

– Они у всех есть. Да-а-а-а, – тихий голос вовсе стал беззвучным. Глаза у старика горели нездоровым блеском.

– Они у всех, – он запрокинул голову, выкатил глаза и, как испуганная лошадь, покосился на Егора. – Они...

В коридоре что-то упало с глухим стуком. Сивков замолчал, весь напрягся и захлопнул тетрадь. Суетливо, поспешно сунул ее под подушку на кровати, на которой сидел. Напряженно пристально посмотрел в коридор. Егор тоже обернулся. Из полумрака длинного прохода больше не доносилось ни звука. Лишь с улицы слышался шум ветра, запутавшегося в голых деревьях, да скрежет ветки по крыше гаража.

– Хе – е, – хмыкнул Егор и мотнул головой, мол, втравили вы меня, но теперь все. Он чувствовал себя одураченным, – ладно Юрий Анатольевич, мастак вы байки травить... Продукты я вам принес, за пенсией на следующей неделе схожу или Варвару попросите. – Егор встал, – пожалуй, мне пора.

– Да послушай меня, – перебил Сивков и как-то жалобно посмотрел на Егора снизу вверх. В глазах старика застыло отчаяние, – их к нам поделяют.

Входная дверь тихонько скрипнула, негромко, но как-то предупреждающе. Старик замолчал и снова уставился в темный коридор. На его лице проступил испуг.

– Ну, иди, иди куда хотел, – спешно, как-то суетно заговорил он. – Хорошо, Варя так Варя, – голос его немного дрожал. – Потом, когда придешь, купи один мягкий «кохинор» и газетку нашу, местную, и это... в аптечку еще за этими... самими, ну, с красавкой..., – он говорил, а сам все в коридор смотрел мимо Егора. Казалось, о другом думает.

– Ладно, – согласился Егор. Повернулся, осмотрел коридор и пошел на выход, – Юрий Анатольевич, вы двери не забывайте запирайте. У вас собачка не отщелкивает, вы в ручную ее запирайте, – говорил Егор, обувая ботинки. – В этот раз тоже дверь у вас не заперта была.

– Ага, – щуплый Сивков шаркал следом. – Ты это, про «кохинор» не забудь.

«Ага, – подумал Егор, – держи карман шире», – а вслух сказал: – Хорошо, главное не забыть.

Егор вышел из подъезда. Осенний неприветливый ветер дунул зябью в лицо, облизал руки, дернул брючины, скользнул за шиворот. Егор поежился. Глубже утопил голову в плечи и поднял воротник пальто. Он забыл шапку дома и теперь чувствовал, как ветер холодными пальцами перебирает волосы на макушке. Он шел под темно-серыми всклокоченными тучами. Хотя часы показывали всего три часа пополудю, на улице было темно, как вечером. Ветер срывал с костлявых ветвей задержавшихся приживалов и кидал под ноги коричнево-серыми лоскутами. Высохшие, скрюченные листья жалобно шуршали по асфальту. В голове у Егора вертелись слова Сивкова, – «...их к нам подселяют, ... я уже больше не могу, мои мозги, ... они мне всю кровь выпили, паразиты. Это все паскудники». Перед внутренним взором всплыла карандашная черкотня. Вспоминались слезливые глаза старика. Сейчас Егор видел их так близко, что мог различить биение жилки, точки в сером зрачке, влагу, скопившуюся у века и в уголке, черный блестящий, как мокрый голыш расширившийся хрусталик.

Как Егор не старался отмахнуться от бредней Сивкова, посещение пыльной квартиры не выветривалось холодным октябрьским ветром, не истреблялось желанием подумать о чем-то другом. Мрачные мысли лопались грязевыми пузырями, выдавая новую порцию неприятных воспоминаний. Серый мутный осадок кружил хлопьями.

«Что значит – их к нам подселяют? – думал Егор, обходя мутный клочок неба, растекшийся посреди тротуара и подернувшийся рябью, – причем здесь крыса? А паскудники? Надо же, паскудники. Что за слово такое?».

На сегодня ему оставалось зайти еще к одному старику. Егор обещал Богдану помочь закатить бочки в сарай и перевернуть тяжелую чугунную ванну, которая стояла у забора.

«Паскудниги, паскудниги. Откуда он это слово взял? Словечко забытое, старинное какое-то, – мысли вновь и вновь возвращались к Сивкову. Егор начинал злиться на себя, на него. – Было бы из-за кого мозги ломать».

Было неприятно и гадко, что притворялся участливым и поддакивал глупостям старика. Если бы не обязанности, вряд ли бы он появился на пороге пыльной квартиры.

Сивком хвастал, и выкладывал, как скряга рубины, рецепты «правильной» жизни. При подходящем случае вдумчиво и не все сразу. Сбивая колосья в снопы, Егор для себя вывел: живет пенсионер так здорово, потому, что пуп не надрывал, довольствовался малым и соблюдал душевный покой. «Дети – сплошное беспокойство. – Вещал он. – Такая зараза, что «твой геморрой», житья не дадут ни в молодости, ни в старости. «Застругать дело нехитрое», – и блял противным смешком, мол, мы-то с тобой знаем, как это делается.

Под гнетом неприятных впечатлений Егор дошел до дома Богдана. Неизменным сторожем его встретил прикрученный проволокой к штакетнику ржавый почтовый ящик с облупившейся зеленой краской. Казалось уже много лет, крышка для газет не поднималась, петли прикисли, а в темной полости пауки наткали коконы.

Тоненько пискнула калитка, ступая по доскам настила, он приблизился к покосившемуся крыльцу с навесом. Как не выглядел этот дом старым и дряхлым Егору он нравился. Нравился своей самобытностью, старым рассохшимся деревом, выгоревшей на солнце краской, щелями между досок, белыми резными наличниками, почерневшим кирпичом на трубе, большой террасной рамой с частым квадратным переплетом, плотными белыми занавесками с кружевом по канту.

Егор поднялся на крыльцо и постучал в окно. Шаги хозяина он услышал не сразу. Из-за двери слышался сначала далекий бухающий стук протеза. Глухие удары по дощатому полу коротким эхом разлетались по маленьким комнатам. Слышался грохот, бряцание ведра и отборная ругань.

– Богдан! Богдан! – Егор постучал в дверь. – Ты как? Не молчи! – проговорил он в щель между дверью и косяком.

Таксист был очень грузен и любое падение, даже самое незначительное могло привести к плачевным последствиям. Егор приложил ухо к холодной доске. За дверью слышалось шорох, стук колодки, кряхтение и отборный мат.

– Богдан, открой дверь! – громко крикнул Егор и сильно стукнул кулаком в полотно так, что задрезал засов.

– Да успокойся ты. Иду, костыляку поправить дай. Давно выкинуть пора, к чертовой матери, – кряхтел Богдан, привалившись спиной к стене и поправляя вывернувшийся вперед протез. Затем левой рукой вцепился в столешницу тумбы, правой оперся на трость. Напрягаясь так, что лицо стало бордовым, а руки задрожали, он поднялся на здоровой ноге. Подставил протез, секунду искал равновесие, затем неровным шагом добрался до засова.

– Чего случилось? – Егор распахнул дверь и быстрым взглядом окинул инвалида. Брючина на правой ноге задралась, из-под нее вместо голени и ступни виднелся деревянный протез с железной накладкой из консервной банки пробитый по краю сапожными гвоздями. Таксист стоял без тапок в одном носке и гладил ушибленный бок.

– Сам виноват. Кандебобер, уродский, о порог споткнулся... Это полено у меня дождется, на растопку пушу, – просипел Богдан. Тяжелое дыхание астматика прорывалось наружу.

– Когда тебе новый дадут? – спрашивал Егор, поднимая опрокинутое ведро.

– Кандебобер их знает. Сказали, запрос отправили. Ждите..., – придерживаясь за стену, Богдан пошел в смежную комнату, высоко задирая искалеченную ногу, выбрасывал ее вперед, словно, к колену привязана веревка.

– Сколько можно-то?

– А что я? Ну, что? Звоню, спрашиваю. Ай, забудь, кандебобер с ними, проходи на кухню.

С Богданом Егор был накоротке, словно между ними и не было разницы в тридцать четыре года. С самой первой встречи таксист объяснил, как стоит с

ним обращаться и всячески сокращал дистанцию. Всю жизнь он проработал таксистом, был заварен и настоян на этой гремучей смеси. Неотесанный, грубый скабрезник, но простой в общении он нравился Егору. Он заслушивался таксистскими байками, хриплым прокуренным голосом «корсара асфальтированных рек».

– Нина давно была? – спросил Егор. Хромая на протезе, который того и гляди грозил вывернуться, таксист подошел к столу и щелкнул переключатель на чайнике.

– Была вчера, – буркнул Богдан. Ухватился большой пятерней за кожаный держатель, как в трамвае для стоячих пассажиров, привязанный к вкрученной в потолок железной петле и грузно осел на стул. Подобный подъемник находился у него и в спальне над кроватью, только вместо трамвайного держателя к потолку крепился пластиковый подлокотник от офисного кресла. Треугольное с утолщениями приспособление было больше трамвайного, и за нее можно было ухватиться двумя руками.

– Ну и как?

– Что ну и как? – на мрачной физиономии инвалида проступили морщины недовольствия. Над головой маятником раскачивался трамвайный держатель. – Нечего ей здесь шлындаться, сопли мне подтирать. Рано еще. У нее пацан растет, пусть вона, с ним нянчится. На двух работах загибаться и еще меня, здорового лба, с ложечки цацкать. Достаточно в субботу была, полы вымыла. Хватит. И на том спасибо. Дальше я сам как-нибудь кандебобером. И хватит об этом. – Богдан зло зыркнул на Егора исподлобья.

– Богдан, она же дочь твоя. Что ты ее гоняешь?

– Егор, – инвалид поджал губы. Было видно, как ему трудно сдержать гнев. Он с упреком посмотрел на парня.

– Ладно, проехали, – Егор в примирительном жесте поднял руки. – Я тебе пенсию принес, – он расстегнул пальто и полез во внутренний карман, где хранились деньги, завернутые в квитанцию.

– Как ты умудряешься на эти копейки жить? Одних лекарств на полторы тысячи. Пока свет, газ,...чем питаешься?

– Святым духом, ёть, – невесело проговорил Богдан, – если ба не огород, сдох бы уже с нашими пенсиями. Все только языками мелят, да кричат о повышении ВВП на душу. Черта в грызло, как жили, так и живем. Ёть... протез жду полгода. Зато миллиардный кредит Венесуэлле, какой-то зачуханой Новозеландии, миллионный белорусскому братскому народу, а нам дулю и ту без масла. Я-то ладно, как-нибудь кандибобером, а вона старуха через два дома без детей, одна. Как глиста тощая ходит, по мусоркам лазает. Ай-й-й, – в сердцах протянул Богдан, – давай чашки доставай, разговеемся водичкой крашеной.

Егор встал и достал из посудного ящика две чашки. За окном хмурилась осень, накрапывал редкий противный дождик, порыв ветра гнул под окном рябину. Капли срывались с наличника и беспорядочной дробью колотили по жестяному сливу.

– В нижнем шкафе банку со смородой достань, – прокряхтел Богдан, дотягиваясь до стеклянной банки, в которой стояли ложки. – Ко мне позавчера Параша заходил. В погреб два мешка картошки сгрузил.

– Тебе? – удивился Егор и обернулся.

– Ага, держи карман шире. Попросил похранить. У него в конуре места нема, а зимой мороженую не хочет с рынка. Будет потихоньку забирать.

– А-а-а, – сказал Егор и поставил чашки на стол.

Он разлил заварку по посуде, разбавил кипятком и вместо сахара, подсластил чай вареньем. Хозяин пил вприкуску, подцепляя кончиком ложки фиолетово-бурую кашу. Они сидели в тишине старого деревянного дома хлюпали чаем и смотрели в окно. Егор покосился на Богдана и в очередной раз подумал «он же еще не старый, а выглядит, словно при смерти». Серую сухую кожу лица покрывали почечные бляшки, под глазами залегли темные круги, большие губы выглядели дряблыми, при разговоре они хлопали, а когда молчал, нижняя немного отвисала, оголяя ряд редких пожелтевших зубов. Тяжелое сиплое дыхание вырывалось из его груди. Он все еще не мог успокоиться после падения. Карман безразмерных треников топорщился аэрозольным баллончиком

«Изодрин». А в нагрудном кармане рубахи всегда хранился кластер с «Валидолом». Он казался Егору старой кухонной губкой, которая от частого мытья забила грязью, пропиталась жиром, почернела и дурно пахла.

– В следующий раз бочки уберем, – проговорил Богдан, отхлебнул чая и добавил, – сыро на улице, чего нам мокнуть. Ванну я сам кувыркнул.

– Чего один?

– Не знаю, че-то шел мимо, заглянул, а оттуда, из воды, на меня рожа, как глянет, ну я и выплеснул этого уродца. Гаденыш, на меня похож, как брат родной, тока невзрачный и рябой ...

За разговором незаметно прошло полчаса. Егор засобирался, – ну все, Богдан, мне пора.

– Все уже? Посиди.

– Нет, спасибо. Хороший ты человек, но дела, – Егор соврал, на сегодня больше у него дел не было. Просто в такой пасмурный тоскливый день ему хотелось побыть одному. Все кругом казалось мрачным, а компания с больным стариком его начала угнетать, тем более в холодильнике дома его дожидалась недопитая четвертушка «столичной».

– Добро, давай провожу. Где моя костыляка? – Он тяжело повернулся, взял прислоненную к стене самодельную трость. На дубовую, отесанную сучковатую ветку был насажен набалдашник с рычага переключателя коробки передач. Черный шар блестел от постоянного трения о грубую ладонь. Белые линии с изображением скоростей почти стерлись. Лапица таксиста обхватила и полностью скрыла пластиковую рукоятку. В сочетании с палкой рука походила на уродливое шарнирное сочленение.

– Шеф, сегодня выше первой не переключайся, побереги подвеску, – улыбнулся Егор. – Одной аварии хватит.

– Кандебобер тебе в дышло. Над стариком глумишься, трояк зеленый? – усмехнулся Богдан и густо закашлял. Откашлявшись, ухватился за трамвайный

держатель, напрягся и поднял свое огромное тело.

– Егор, – остановил у двери Богдан гостя, – будешь в аптеке возьми мне, что-нибудь для сна. Два дня уже по-нормальному откинуться не могу. Ворочаюсь, ворочаюсь, как боров с касторки, всякая дрянь в голову лезет.

– Хорошо.

Егор пил горькую, запивал рассолом, закусывал краюхой черного хлеба обмоченной в масле в банке с килькой. Один в пустой квартире чувствовал себя неуютно. Сразу навалилось одиночество, а из темных углов сознания повылезали беззубые клячи с ввалившимися носами – скверные воспоминания.

Он слил остатки водки в стакан, поднес к лицу и остановился. Наморщил лоб, медленно помотал стаканом перед носом, размазывая прозрачную жидкость по стенкам. Смотрел, сквозь граненое стекло, а в голове раздавались слова Алексеева: «Вы, Нагибин, конечно, можете на мои слова не обращать внимания и завтра меня при встрече не узнать, но это сути дела не меняет. Я все-таки буду настаивать, чтобы вас временно отстранили от работы....

– Меня, – вспыхнул Егор, – из-за этой старухи! – он осекся, но было уже поздно. Психиатр метнул в него пронзающий взгляд. Чтобы сгладить впечатление Егор добавил, – Я по-любому бы не успел.

– Не все так считают, – Алексеев поджал губы и мотнул головой.

Это были ключевые фразы, сказанные как с одной, так и с другой стороны. Егор мог не соглашаться с рекомендациями доктора и вердиктом начальства, пошедшего у того на поводу, но три месяца исправительных, вернее рекомендованных работ в воспитательно – профилактических, а в том числе и медицинских целях, как не посмотри, было лучше, чем вовсе потерять место.

Пожар на Мещериковской для Егора стал той каплей дегтя, от которой трудно отмыться. Косые взгляды товарищей, допрос с пристрастием у майора Панько и, наконец, беседа с психотерапевтом заставили его пересмотреть

первоначальный взгляд на происшедшее. Он начал сомневаться на самом ли деле он сделал все возможное?

Перед внутренним взором, в какой уже раз, полыхал одноэтажный деревянный дом. Еще на подъезде на проселочной дороге они увидели густой серый дым, взмывающий к небу. Он клубился и перекручивался, словно кто невидимый плел из него канат. Дом горел, трещал, подобно воплям зверя в предсмертной муке. Из окон валил плотный, хоть черпай ложкой, темно-серый чад. В нем сверкали мечущиеся красные искры. Из-под крыши выползал седыми лохмами дым, и все это переплеталось и поднималось вверх.

Егор выпрыгнул из пожарной машины вместе с Женькой Козубом. Открыли бортовые створы, схватили шланги и бросились к дому. Женька с силой толкнул калитку. Что-то с внутренней стороны хрустнуло, скорее всего, замок. Калитка распахнулась и шмякнулась о забор. Листья на яблонях возле дома потемнели и скрутились. Дым сочился из всех щелей: протекал между досок, бревен, просачивался из-под обналичников, струился из отдушин. Из кирпичной трубы он валил столбом. Наверное, никогда раньше и, видно, уже больше никогда печка не выдаст столько копоти. Сквозь серую гать, выползающую из окон, в глубине умирающего дома виднелись оранжевые всполохи. Огонь жрал его изнутри.

На лбу у Егора от усердия выступила испарина. Сердце работало с частотой водяной помпы, во рту ощущался медный привкус, по телу от напряжения растекалась какая-то неприятная электрическая дрожь. Движения делались порывистыми, нечеткими. Егор поправил съехавшую на глаза каску. Неожиданно распахнулась дверь, и к ним навстречу выбежал, спотыкаясь, кашляя с ошалелыми глазами, в одних штанах мужчина и проорал, что в доме осталась его старая мать. За ним тянулся шлейф серого дыма, казалось, он не хотел отпускать беглеца. Мужчина пробежал еще несколько шагов, затем упал на колени у яблони и захлебнулся хриплым кашлем. Волосы на его голове дымились. К нему подскочил Женька и заорал, – газ, баллоны в доме есть!? – Мужик продолжал кашлять и мотал головой.

– Нет!? – пожарник наклонился и положил руку мужчине на плечо. Тот что-то просипел и сильнее замотал головой.

Егор оказался ближе остальных к распахнутой двери. Из-под косяка густым потоком клубился дым, поднимался по доскам и затекал на крышу. В глубине дома в сером мареве что-то подвывало и гудело. Человек так не мог. Клубы

дыма перемещались под потоками воздуха, вырывались завихрения, отчего казалось, что в них кто-то бродит. Вокруг все трещало и лопалось, вспыхивали фонтаны искр. Среди этой адской вакханалии Егор расслышал слабый человеческий крик. Он четко уловил «Помогите». В следующую секунду Егор набрал в легкие воздуха, поднял вверх руку, прикрывая лицо, и бросился в дом. Кожу обдало жаром. Щурясь, выглядывая из-под руки, пересек террасу и когда уже занес ногу, чтобы шагнуть через порог, перед ним с потолка рухнули горящие доски. Он отпрянул назад. Огненный всполох и град искр ринулись на него. Егор успел отвернуться. Оранжевый язык облизал защитный костюм и задник шлема.

Послышался какой-то писк, словно где-то совсем рядом надрывался котенок. Через гребенку из пламени Егор пристально взгляделся вглубь коридора. Из боковой комнаты, вся в дыму выползала на четвереньках еле живая старуха. Халат на ее спине горел, волосы дымились. Она увидела Егора и заверещала громко, пронзительно. Оперлась на одну руку, а другой потянулась к нему. Жуткая маска боли и страха исказило ее лицо. Она уже не была похожа на человека, а на какое-то страшное животное. От этого зрелища Егор остолбенел и несколько долгих секунд, не моргая, сквозь раскаленный перетекающий воздух, оранжевые языки и беснующиеся стада светляков, заморожено смотрел на сгорающую заживо бабуку. Волосы на ее голове вспыхнули, пожилая женщина зашлась горловым клокочущим воплем, и стала кататься по полу, сбивая руками пламя с волос.

Наконец, Егор сбросил оцепенение и кинулся к ней, но очередной обвал из горящих досок перегородил путь, словно демон, хозяйничающий в этом доме, поставил перед ним преграду из своей адской огненной лапы, а в следующее мгновение другой прихлопнул старуху. Еще некоторое время она кричала. Тонкий пронзительный голос доносился, перекрывая гул пожара. Казалось, сам огонь верещит ее голосом.

Кто-то крепко схватил Егора за плечо, – какого черта! – и поволок на выход. Едва Женька успел вытолкнуть на улицу Егора и выскочить сам, как за их спинами послышался оглушительный треск.

В первую же ночь после трагедии старуха пришла к Егору. Неимоверно толстая с ожогами на лице, словно поджаристая сосиска на углях, со злым лицом, ослабившаяся она выползала из комнаты. Пожара нет, только стены сочатся каким-то серо-белым дымом. Он кажется развивающимися по течению

водорослями. Егор видит себя со стороны. Стоит пригвожденный ужасом к полу. Бледный, с вытаращенными глазами и не может пошевелиться. Ужас жил в нем еще до того, как появилась старуха. Она все ближе подбиралась к нему на вывернутых руках, волоча толстое тело. Ползет, ползет, ползет, вбивает ладони в деревянный пол, словно гробовщик, вколачивает гвозди. А горящая спина все тянется и тянется, ноги все не показываются. Полнота, тяжесть, грузность движений напомнили объевшегося неповоротливого варана. И самое ужасное, у Егора нет сил сдвинуться с места. Выпрыгивающими из орбит глазами он смотрит на приближающегося монстра и может только умирать от ужаса.

Старуха и потом навещала его во снах и все в одном и том же сюжете. Можно было бы уже за три недели привыкнуть, но каждую проклятую ночь Егор переживал сон, словно впервые.

Его посещала мысль сходить к психиатру, но беда заключалась в том, что на их маленький городок доктор такой квалификации был один. Высокий, худой, с темными кругами вокруг глаз, с горбинкой на тонком носу Алексеев. Кроме работы в поликлинике, он курировал пожарное и милицейское подразделения. Разговор с медиком у Егора уже состоялся и больше усугублять свое положение он не желал. Пока его поведение объяснялось нервно психическим напряжением, связанным со спецификой работы.

«Дернул же меня черт вступориться в самый неподходящий момент, – с отчаянием думал Егор, – и старуха эта... какого черта выползла». Он посмотрел в окно. За ним стояла непроглядная темнота. С приближением ночи, Егор ощутил приближение своего кошмара. Тот словно скребся, скулил под дверью, изнывал от своей больной сумасшедшей страсти причинять Егору страдания, ковырять, неуспевающую зажить рану. «И вообще, какого дьявола вспомнил про эту бабку. Теперь не отвяжется», – с горестью подумал Егор и обтер губы.

Валерьянка, пустырник самые первые и самые бесполезные потуги справиться с проблемой остались в прошлом. «Атаракс», «Мелаксен» прошли почти незамеченными, лишь «Сонвал» давал облегчение. Каждое пробуждение посреди ночи от кошмара он обещал себе обязательно утром пойти к врачу. Плевать, что о нем подумают и, быть может, попрут с работы, такое терпеть больше нельзя. Но стоило утреннему молодому свету разбавить темень, поманить Егора надеждами и повседневными заботами, как серьезность положения размывалась, и проблема, занимающая несколько часов назад все его сознание, уменьшалась до просяного зернышка.

Он одним большим глотком опустошил стакан. Горько сморщился, выдохнул и закусил хлебом, обмокнув его предварительно в банку с консервами. Надеялся, что достаточно зацементировал мозги, чтобы в эту ночь в них не проник кошмар, хотя внутренний голос подспудно нашептывал, «напрасны, дружок, твои ожидания». Он ощущал зудящее беспокойство и улавливал тонкий запах дыма. С обреченностью во взгляде поднял глаза к потолку. Ну а как же? Рыба была здесь. Белое лоснящееся жирное брюхо висело под потолком. Хрящевые лучи с полупрозрачными перепонкам лениво ходили восьмеркой.

Он проснулся среди ночи в горячем поту. Как и в прошлую он стоял приросший ступнями к полу. Между досок сочился серые водоросли, а горящая старуха, словно плавленная пластинка вытягивалась из соседней комнаты. Когда она была совсем рядом и тянула к нему руку с обгоревшей полопавшейся кожей, а морщинистый безгубый рот растягивала ехидная ухмылка он проснулся.

Поднял веки. Сердце гулко бухало в груди. Мягкий желтый свет ночника больно кольнул глаза. Поморщившись с минуту, Егор встал тяжело, устало, словно полночи грузил вагоны, и побрел на кухню. Сонное оцепенение неохотно отпускало, словно сползающая старая линялая кожа. Он выпил стакан холодной воды из-под крана, отдышался и закурил. Сердце еще колотило по ребрам. В какой раз пообещал себе сходить к врачу. И сейчас, пока кошмар призрачным фантомом еще блуждал в его голове, он верил, что завтра обязательно это сделает. «Черт с этой работой. Найду что-нибудь другое. Пусть этот долбаный псишник меня бракует. Леха говорил, что у его отца в слесарке мастер запил. Научусь доски строгать. Что там такого?». Несмотря на бравладу, прекрасно понимал, что ни черта он не смыслит в слесарном мастерстве, и Лехин отец его не возьмет. Егор знал, что работу в этом Богом забытом забайкальском городке, днем с огнем не найдешь. Судоремонтный завод, ради которого закладывалось это поселение уже почти семь лет растаскивают местные барыги на металлолом.

Областной город манил, но Егор был неуверен и цеплялся за стабильную зарплату, непыльную работу, за привычную жизнь, за родные сердцу места, где у него были друзья, знакомые улицы, прожитые годы, где чувствовал себя в своей тарелке. Он понятия не имел, как начинать с нуля, где нет ни родственников, ни знакомых, без денег, без специальности.

Отвязавшись от жутких воспоминаний, он затушил сигарету, снова лег в постель, только на этот раз погасил ночник. Из опыта знал, что дважды за ночь кошмар не повторяется.

Наутро с распухшим языком и сухостью во рту Егор встал за несколько минут до звонка. Эту привычку выработал в детдоме. Он старался раньше остальных сходить в туалет и умыться. Особенно раньше Еси Лобана. Здоровый деревенщина ловил у входа младших и каждого с жестокостью щипал за сосок. Это издевательство он называл – «стовольтовка» или «зарядочная встряска». Оно и, правда, пробуждало. От боли слезы наворачивались. Один мальчишка на глазах у Егора от такой «стовольтовки» описался. Еся ржал не по-детски, как тягловый деревенский жеребец. Младшие, которые только что ненавидели бугая-переростка, растирали покрасневшие соски и смеялись вместе с ним над бедолагой, который от стыда покраснел, затравленно озирался на хохочущие физиономии и судорожно мял мокрые трусы.

Потом Егор присматривался: получившие «заряд» обиженные расходились по раковинам, умывались, чистили зубы и исподтишка поглядывали на дверь, где цербером стоял Еся и раздавал «зарядочные встряски». В их глазах читалась надежда, что вновьприбыший не выдержит и отчебучит что-нибудь эдакое, тогда можно будет снова погоготать.

На сковородке скворчала яичница. Егор стоял у окна, отхлебывал горячий чай и безрадостно взирал на хмурый, осенний день. Думал, что в такую осень нельзя быть счастливым, как нельзя веселиться на похоронах. Все кругом отмирало; лист за листом отрывались от ветки и опадали. Сохла трава, жухла, дождями прибивалась к земле, чтобы потом превратиться в тлен. Тоска и уныние тащились в скрипучей повозке осени. И Егору казалось, он слышал этот скрип.

Пожилой дворник, сгорбившись, сидел на качелях посреди пустынного двора. О чем-то задумавшись, вяло раскачивался, и метла в его руках очень напоминала косу.

В девять ровно он стоял у дверей в «кантору». В новой пятиэтажке по адресу: улица Щерса дом пять, на первом этаже в помещении, образовавшемся в результате объединения двух двушек, размещалась соцзащита. Егор считался временным работником и сильно не усердствовал, не вникал в тонкости «ремесла» и до конца срока старался больше не встречаться с майором Хаджибулат Насыровичем, как это случилось на первой неделе оздоровительной

профилактики.

Егор крепко присосался к бутылке и два дня не показывался в «конторе». По звонку Червякова Альберта Яковлевича – заместителя начальника социальной защиты, майор лично пришел к Егору и чуть ли не пинками спустил с лестнице.

С того момента новоиспеченный «социк» старался появляться в «конторе» вовремя и выполнять несложные мероприятия по поддержанию «мумий» в надлежащем порядке. По привычке корнями уходящей в детдомовское детство некоторым окружающим его вещам Егор давал свои названия. Лекарства, продукты, пенсии: все, что приносил старикам, Егор называл «мумие», а их квартиры не считая апартаментов «черной вдовы» «пыльники».

Невольничий труд в душе Егора оставлял неприятный осадок, который откладывался каждый день, рос слой за слоем и того гляди, грозил превратиться в топь. Пожилые люди со своей «правдой», «комбэками», с претензией на особое внимание и уважение, неаккуратные, в облаке неприятных запахов, глухие, тугосоображающие, медлительные, немощные и так будили в нем неприязнь, а с нынешним обременением он и вовсе на них озлился. Временную работу он называл «каторгой». Из всех закрепленных за ним «мумий», а всего их было семь, только Богдан вызывал симпатии.

Сгибаясь под тяжестью, какого-то дурного нехорошего предчувствия Егор плелся по невзрачным осенним улицам и думал; «Почему наши старики не могут быть такими аккуратными, опрятными, как мюнхенские бабушки». На днях по телевизору он смотрел репортаж о немецких пенсионерах. Ему было с чем сравнивать.

«Ладно, пусть жалкая пенсия не позволяет куролесить по Европам, отправляться в круизы, прожигать остатки жизни в дорогих отелях или на песчаных пляжах, восстанавливаться в израильских клиниках и благоухать «подстегнутыми» гормонами, но ведь можно смыть с себя неприятный запах, подстричься, обрезать ногти, постирать одежду, заштопать дыры и не быть такими сварливыми и угнетенными».

Дверь скрипнула, и Егор оказался в узком коридоре. Кабинет Червякова слева. Справа бухгалтерия, шуршащая бумагами и сплетнями. Егор обозвал ее «теточная», где постоянно на заставленном всякими банками подоконнике

кипятится чайник, на столах стоят разноцветные чашки, целлофановые мешочки с сахаром и печеньями. Где редко звонит телефон и полная Изотова с профессиональным недоброжелательством в голосе, словно ей безмерно все надоели, поднимает трубку и говорит через губу: «Алло». Дальше по коридору комната для приема посетителей с образцами бланков, прикрепленных кусочками скотча прямо к обоям. Сиротливый стол и крашенный стул притулились у торцевой стены под зарешеченным окном. В самом конце коридора кабинет начальника, точнее начальницы, Лидии Марковны Крестец. «Ходоки», к которым относился и Егор, своих кабинетов не имели. Приходили утром, получали задания и расползались по городку, как лекарственный раствор по капельницам к больным органам.

– Уже здесь? – из кабинета вынырнул Червяков. Для него Егор слово не придумывал, фамилия сама говорила за себя. Тщедушный дядечка, низкого роста с мокрыми волосиками, которые безуспешно пытались закрыть взбирающуюся к затылку плешь, с быстрыми глазками, порой хмурил брови, нагоняя на себя важность, но никого этим не пробирал.

Он снизу вверх недоброжелательно посмотрел на Егора, задержал многозначительный взгляд, как бы говоря, «Ну-ну, хлыщ, давай трудись, а я посмотрю. Мы-то с тобой знаем кто под кем». Они не поладили сразу и старались при встрече не заваливать друг друга любезностями. Червяков был наслышан о «подвиге» Егора и как ярый защитник своего класса пенсионеров не одобрял и даже в какой-то мере презирал пожарника – рохлю. По указанию Лидии Марковны содействовать психотерапевту, подобрал вновь испеченному работнику команду «по-контрастнее».

– Чтобы пожилые люди рассыпались из ассоциативной серой массы на разноцветные бусины, – говорил Алексеев, беседуя с Червяковым. – Чтобы Нагибин почувствовал разницу. Надо и больного и здорового, вредного и покладистого, высокомерного и ущербного. Вы меня понимаете? – Доктор пристально посмотрел на Червякова, словно недосказанное, передавал телепатически.

– Да, конечно, – отвечал тот и кивал, выдавливая из-под подбородка жирную складку. – У нас всякие найдутся, разве, что с покладистыми проблема.

– Это не обязательно, – Алексеев всплеснул руками и состроил кислую гримасу, – это образно. Главное, чтобы его подопечные были по-контрастнее, не похожие

друг на друга, разного темперамента, достатка, социальной группы.

- А, ну да, ну да, - кивал опять Червяков, уже мысленно подбирая кандидатов.

- А где мне еще быть? - огрызнулся Егор. Он старался побыстрее покинуть контору, пробежаться по «пыльным квартиркам» и вернуться домой, погрузиться в привычную безделицу, смотреть телевизор и пить пиво под соленую трескучую воблу.

- А от вас, товарищ Нагибин, случайно не водочкой пахнет? - Червяков потянул воздух ноздрями и подался вперед. Егор буркнул. - Это от вас чем-то нехорошим потягивает, - и поспешил пройти к Верочке, которая выдавала разнарядку по «мумиям».

- Смотрите, Нагибин, допляшитесь, вышибут вас с пожарников.

Слово «вышибут» Червяков произнес с какой-то кровожадностью, словно наступал на окровавленный палец своего поверженного ненавистного врага. Егор остановился и резко развернулся. На его скулах желваки заходили ходуном. Он скрипнул зубами, долго гвоздил начальника взглядом, пока тот не отвернулся и спешно не скрылся за дверью в бухгалтерии.

- Опачки, стоять. Здорово, старичок! - в дверях показался Костик Паршин. С некоторых пор Егор стал его недолюбливать. Тот казался ему скользким, двуличным типом. Всем в конторе подмазывал и улыбался. Со стариками он не церемонился. Знал, кого можно прижать к ногтю и пользовал.

Паршин часто околачивался в кабинете у замначальника, и когда они закрывались за филенчатой дверью, у Егора ассоциировались с двумя навозными червями, которые переплетаются, ворочаются в коровьем дерьме и шушукуются промеж себя, перетирая грязные делишки. Они сразу замолкали, делали недовольные физиономии, стоило кому-нибудь потревожить их навозную идиллию. Улыбки сползали с лиц, глаза становились холодными и неприветливыми.

Несмотря на внутреннюю зреющую неприязнь, Егор не мог отвергнуть «дружбу» Паршина. Костик относился к нему доброжелательно, порой казалось даже чересчур доброжелательно. Стоило только увидеть Егора, как сразу растягивал

свои бледные губы в улыбке и кричал, – Опачки! Опачки! Егорыч, стоять, – долго тряс руку. У него был такой мыльный взгляд, что казалось, через глаза он заскальзывает к тебе в голову и там старается выискать тараканов. Егор отводил взгляд, старался посмотреть ему за спину и каждый раз думал, «Дай только повод и я тебя знать забуду».

Паршин на дух не переносил стариков, но об этом знали немногие. Как правило, на людях он очень бережно и трепетно отзывался о своих подопечных, ласково их называл – «одувашками». Но когда с Егором курили на крыльце «конторы», заговорщицки озирался и полушепотом обзывал их «старыми калошами» и «дешевыми потаскушками», а чаще всего употреблял слово «конченные». Паршин не притворялся перед Егором. Видимо, не считал его опасным и видел в нем идейного союзника. Егор часто задавался вопросом: «Какого черта он ешкается с «мумиями», раз терпеть не может? Он-то птица вольная. Да и денег на «соцке» не срубить».

В первый день работы Егора Паршин водил его по квартирам и домам подопечных. Знакомил, значит.

– Это будет, – предупредил Костик перед началом экскурсии, – цирк на дроте с «Дротоверином», или поход в палеонтологический музей.

Глава 2. «Экспонаты»

– Вот, в этой клоаке у нас живет поэтесса, она же актерша погорелого театра Стелла Аркадьевна Бердячья. – Поймал улыбку Егора, подмигнул и сказал. – Раньше где-то на Московских подмостках кривлялась. Школьная любовь нашего Червякова, прикинь, – и быстро добавил. – Ты только меня не выдавай.

– Могила, – Егор соорудил обиженную физиономию.

– Короче, – слабая улыбка снова заиграла на бледных губах Паршина, – дали ей там под зад мешалкой и прикатила она к нам, как говорит сама, «сеять среди голытьбы окаянной светлое и доброе». Такая одряхлевшая шансоньетка, манматерь и все такое.

- Монмартр, - поправил его Егор.

- Не один фиг, старушка мнит себя богемой. Ты давай с ними осторожно. Даш слабину, съедят. Особенно этот Сивый, потом с ним познакомлю. Халявщик жуткий. Хоть пять копеек, но выпросит. Ну, вот и прибыли.

Соцработники зашли в подъезд, дыхнувший на них мочой и застоялой сыростью, глянул обвалившейся штукатуркой и намалеванными на стенах матерными словами.

- Все хочу у этой поэтически спросить не ее таланты? - Паршин кивнул на «расписанную» стену.

- Тут совсем не в склад, - возразил Егор.

- Нет, здесь в склад, это у нее не в склад.

Парни переглянулись и прыснули. Паршин остановился перед дверью, обитой потрепанным дерматином, продавленным струнами в форме ромбов, и подбородком указал на нее, мол, сейчас сам увидишь. Нажал на кнопку звонка.

- Кто там? - спустя минуту послышался из-за двери приглушенный женский томный голос. У Егора в голове моментально возник образ Раневской и ее «Муся, не нервируй меня».

- Фраерок пришел, и еще кого-то привел, - констатировала высокая томная, немного грузная пожилая женщина в шелковом до середины голени, веселеньком халате с китайскими мотивами, с длинным отложным воротником, из которого росла дряблая некрасивая шея. Помятое лицо с отеками веками, с вялой желтой кожей, сквозь которую проступал бледный призрак заносчивой и привлекательной когда-то дамы. Венчала голову корона из сухих крашенных волос с большим вульгарным бантом у левого уха. Ее ноги в штопанных черных чулках оканчивались поношенными розовыми тапочками с помпонами. В левой руке она держала длинный, как спица мундштук, на конце которого тлела сигарета, судя по едкому дыму - дешевая.

Стелла Аркадьевна окатила визитеров усталым, надменным взглядом, ухмыльнулась и пропустила в квартиру, словно докучливых поклонников в примерку. Повела гостей на кухню, где булькал чайник. Егор обратил внимание на старые обои, местами отклеивавшиеся, затертые на углах, на избитый плитус, на вытертый скрипучий паркет. Квартира выглядела убого, напоминала ярмарочный балаган. То тут, то там на глаза попадались разные финтифлюшки в виде ангелочков на цепочках, плюшевые сердечки пришпиленные иголками к стене, капроновые бабочки на занавесках, цветастые афиши, как напечатанные, так и написанные от руки гуашью. На углу трюмо висела шляпка с переливчатыми фазаньими перьями, искусственные розочки с фиалками печально свисали с крышки буфета, множество разнообразных магнитиков заляпали холодильник. Пыльные тяжелые шторы из красного атласа с висюльками по краю и вздержками напоминали кулисы. Вся эта аляповатость, подчеркивала убогость жилища неудавшейся актрисы, рефлексирующей по поводу своего нереализованного таланта.

В груди у Егора бродило какое-то неприятное смущение, словно он видел дыру на чулке поэтессы и этого стеснялся. Хотелось поскорее покинуть размалеванный «пыльник».

– Внимания не обращайтесь, я скоро собираюсь обновить декорации, – в последнее слово она произнесла протяжно с легкой небрежностью. – Вы когда-нибудь слышали о Станиславском?

– Ага, – отозвался Паршин, стягивая вязаную шапку и приглаживая рукой топорщащиеся волосы, – и о Немировиче с Данченко тоже.

– Однако, – она остановилась и обернулась на соцработников, словно намеревалась что-то в них такое рассмотреть. С минуту смотрела, потом отвернулась к буфету. – То бишь о чем я? Ах да, о Станиславском, – пела она, выставляя сервизные пыльные чашечки на столик. Как такового обеденного стола на кухне не имелось, а был этот низенький на изогнутых ножках, вокруг которого стояли пуфики. Егор сразу представил, как пожилая дама в три погибели хлебает ложкой суп.

– Константин Сергеевич величайший театрал, учитель и режиссер, – ее взгляд подернулся муаром, мыслями она вознеслась, – оставил нам богатое наследие. Мне в свое время довелось играть на сцене великого Художественного в «Антигоне». Станиславскэй, – теперь она говорила высокопарное «э» вместо

«и», – считал, что с «Царя Федора», «Венецианского купца» и «Антигоны» и началась историко-бытовая линия МХАТа. А МХАТ, к вашему сведению, создавался как альтернатива императорским театрам, кстати. Какая тогда была публика. – Дама мечтательно покачала головой. – Образованные, эрудированные, воспитанные люди, культурные. Я счастлива, что мой творческий расцвет пришелся на то театральное время, когда артистов носили на руках и певали дифирамбы. Я знала Высоцкого, играла в одной труппе с Невинным, Табаковым, самим Смоктуновским, Савиной, Аллой Тарасовой, – эти имена она произнесла на одном дыхании и на Тарасову его едва хватило. Сделала несколько тяжелых вдохов. Ее объемная грудь приподнималась, натягивая тонкую ткань халата. Некоторое время Стелла Аркадьевна смотрела невидящим взглядом в окно. Наконец, встрепенулась, стряхнула с плеч волшебную пыль искусства, взгляд прояснился, и она разлила чай по миниатюрным чашечкам, – а вы, молодые люди, в театр ходите? – спросила она. – Какие постановки вы имели удовольствие лицезреть? – в ее голосе слышалась издевка.

– Я лицезрю каждый понедельник и среду вас Стелла Аркадьевна, и мне этого предостаточно. Впечатлений набираюсь на оставшиеся дни и все думаю, думаю.

Егор промолчал. Он ни разу не посетил театр и теперь немного стыдился.

– Недоросли Фонвизинские, – снисходительно всплеснула Стелла Аркадьевна, – каждый, каждый человек обязан хотя бы раз в год посещать храм искусства, хотя бы для того, чтобы не утратить тягу к прекрасному. А стихи, стихи вы читаете? Для утоления интеллектуального, творческого голода, художественной жажды заложенной в нас самой природой. Вы что читаете? – Стелла Аркадьевна обращалась к Егору, – кстати, осчастливьте, назовитесь.

– Егор.

– Каких, вы, Егор, поэтов предпочитаете?

– Я?

– Своих я знаю.

Егор судорожно стал копаться в голове, выуживая фамилии. Кроме Пушкина и Лермонтова ничего на ум не шло, но когда неприлично затянутая пауза готова была оборваться насмешкой актрисы, он вспомнил.

– Белла Ахмадулина, – неуверенно произнес Егор. По его мнению, он назвал настолько редкое имя, что вряд ли кто из присутствующих его знает. Он надеялся, что заносчивая мадам, с интеллектуальным налетом, не полезет в бутылку.

– Прочтите что-нибудь, просим, – жеманно проворковала Стелла Аркадьевна и в упор посмотрела на Егора. «Блефует», – подумал Егор и несколько мгновений, оценивая намерения актрисы, смотрел на нее, но скоро был вынужден отвести взгляд. В двух ядовитых лужицах он разглядел затаенную издевку, которая только и ждет момента, чтобы выплеснуться. Егор понятия не имел, как выйти из дурацкого положения. Он имя то поэтессы с трудом вспомнил, не говоря о цитировании ее стихов. Спас положение Паршин.

– Я памятник воздвиг нерукопорный, к нему не зарастет покойников тропа.

– А вас, фраерок, – с раздражением процедила Стелла Аркадьевна, разочарованная сорвавшимся представлением, – я попросила бы притухнуть. Некультурно вклиниваться в разговор интеллектуалов.

– Да ладно, вам, Психея Аркадьевна, все мы тут театралы – интеллектуалы, токма каждый в своей помойке. Я вам такой цирк могу показать в лицах и по ролям, что не хуже Станиславского и попробуйте сказать «не верю», – хихикнул Паршин.

– Скабрезник, – фыркнула пожилая дама, – на большее у тебя ума не хватает. Давайте выкладывайте, с чем пожаловали и адью, повесы.

– Мы пришли к вам с миром, Стелла Аркадьевна, – протяжно заговорил Константин, – познакомить ваше величество с новеньким – Егоркой Нагибкиным. Теперь он будет вашим вассалом, слушателем и почитателем в одном лице. Издевайтесь, не стесняйтесь, – осклабился Паршин.

– Приятно, – сквозь зубы процедила Стелла Аркадьевна, и едва заметно кивнула Егору.

– Мне тоже, – улыбнулся Егор и зачем-то добавил, – весьма.

– В отличие от некоторых, – женщина метнула огненный взгляд в Паршина, – мне кажется, вы Егор, для общества еще не совсем потеряны. А сейчас оставьте меня, я жду визита.

– Бомонд с третьего этажа прет? – съехидничал Константин. Стелла Аркадьевна демонстративно оставила реплику без внимания. Величественно подняла подбородок и устремила ледяной взгляд в коридор.

– Костя, послушай. Эта Стелла Аркадьевна совсем еще не старуха. Она пышит здоровьем,

ходячая, в тонусе. Какого черта мы к ней ходим. Что нет более нуждающихся стариков в нашем городке? – спросил Егор у Паршина, когда они вышли из подъезда.

– Стелла отдельная история. При случае расскажу как-нибудь. – Достал из кармана сигареты, угости Егора и прикурил сам. Они шли молча. Порывистый осенний ветер рвал серые тучи. Лужи покрывались нервной рябью. Сиротливые голые деревья размахивали ветками, словно просили у неба пощады. Воздух пропитался сыростью. Казалась, она затекает с дыханием и холодит изнутри. Зябко, сыро, хмуро. Еще неделя и первый прозрачный ледок затянет лужи, серебристый иней ляжет на травы и подоконники. Дыхание паром будет вырываться изо рта, молодой морозец защиплет нос и щеки. Яркое солнце взойдет и все кругом заиграет. А затем нагрянет зима, суровая забайкальская. Месяц – полтора и вспорхнут белые мухи. Закружат, заколдуют, постелят белую перину, накроют землю. Взовут вьюги, метели, затрещит льдом Шилка, холод ползет в щели, загонит всех по домам.

Следующим в списке знакомств значилась Кокушкина Софья Петровна.

– Она самая «конченная» – восемьдесят один годок. Лежачая. Скорую через день вызывают. – Паршин заочно знакомил Егора со следующей подопечной. – Сын за ней смотрит – сопля – соплей. С ними в двушке еще обитает племянница из Воркуты с сожителем – мясником. Да. Не смотри на меня так. На бойне коров

режет. Бугай жуткий. Кокушкина гнобит со страшной силой. Кока сам виноват. На него только посмотришь, пинка или шалабан хочется дать.

Егор не знал Кокушкина, но ему не очень нравилось, что Паршин так пренебрежительно отзывается о пожилом мужчине. Что-то подлое проступало в новом приятеле, словно под дружеской доброжелательной маской, кривлялось другое лицо, и пока он рассмотреть толком его еще не мог, но уже знал, что если разглядит, увиденное ему вряд ли понравится.

Социальные работники запыхавшись поднялись на пятый этаж панельного дома.

– Она училкой работала, – через вдох говорил Паршин, – ей с выходом на пенсию квартиру дали. Как самой молодой и здоровой на самом верхнем..., – отдуваясь он остановился на лестничной площадке. – У этих звонка нет. И лучше навещай Кокушкину в первой половине, пока мясник на бойне. Племянница днем тоже редко бывает. Брюхо на нос лезет, а она у подруг портвешок хлещет. – Он согнул палец и постучал костяшкой в дверь.

– Кто там? – с другой стороны послышался блеющий тихий голосок. Егору показалось, что его хозяин при смерти и вместе со словами утекают последние силы.

– Свои, открывай, – гаркнул Паршин. – Щелкнул замок и дверь приоткрылась. В щели показался глаз за толстым стеклом очков. Паршин толкнул дверь. Послышался глухой удар. Полотно остановилось и завибрировало.

– Давай, уже. Хорош подглядывать. – Паршин распахнул дверь шире и шагнул в квартиру. – Проходи, – позвал по-хозяйски Егора. – Один? – требовательно спросил Паршин у отступившего низкорослого мужчины лет пятидесяти, болезненного вида, в очках, потирающего ушибленный лоб. Тот закивал. Не снимая грязных ботинок, Паршин прошел по коридору, заглянул в боковую дверь, прошел дальше и подергал замок навешанный на грязную со следами взлома дверь.

– Спит? – Паршин неопределенно мотнул головой в сторону боковой комнаты.

Мужчина кивнул и затравленно, глядя увеличенными через линзы и немного косыми глазами на Паршина, отступил к стене. Выглядел он жалким, побитым.

Он все еще потирал лоб. Внимательно, приподняв подбородок, словно примерный ученик внемлет педагогу, взирал на соцработника.

– Как у тебя здесь воняет. Окна открой что ли. – Паршин скривил лицо в брезгливой мине, – дышать невозможно. Кошмар. Куда пошел?

– Окна, – прошептал Кокушкин и рукой, как бы оправдываясь и стесняясь своей глупости махнул в сторону кухни.

– Потом, давай тащи ручку и распишись.

Немедля боязливый мужчина засеменил в боковую комнату.

– Ужас какой-то, – Паршин посмотрел не Егора, поднял брови и помотал головой, мол, куда народ катится, – быдло, быдлом. Ты их не расхолаживай. Сразу к ногтю. А этого и треснуть можешь. Он никогда не жалуется. – От своего могущества Паршин аж скрежетнул зубами. Казалось, злость в нем растет от осознания своей силы и власти, прямо пропорционально смирению щуплого мужчины. Что-то было в этом Кокушкине провоцирующее. Он напоминал зверька, мелкого пугливого грызуна с выпученными глазами. Безропотность, какое-то раболепство, застывший в глазах страх вызывали в Егоре жалость.

Паршин широким шагом прошел на кухню, бесцельно двинул рукой тарелку с недоеденной кашей, задел эмалированную кружку с бледным чаем, тронул сахарницу с отломанной ручкой, сел на шаткий табурет, оперся локтем о стол и устало провел ладонью по лицу. Рядом, как предупредительный вассал в раболепном наклоне уже стоял Кокушкин и протягивал шариковую ручку. Паршин склонился над бумагой и что-то написал.

– Здесь распишись, Мачо-пикча, – он небрежно пододвинул на край стола бумажку.

– За что? – прошептал Кокушкин и потянулся за ручкой, словно и не ждал ответа. С поспешностью поставил роспись на месте, куда ткнул Паршин, положил ручку и на шаг отступил от стола. С готовностью и услужливостью посмотрел косыми увеличенными глазами на соцработника. Паршин с нарочитой значительностью посмотрел на закорючку, на Кокушкина метнул строгий взгляд и, не торопясь, стал складывать бумажку. Во всех его движениях читалась напускная

небрежность, какая-то гнобящая сладострастность. Паршин напомнил Егору Есю Лобана. Он отвернулся. Прошелся рассеянным взглядом по захлавленной кухне, с закопченным кафелем над плиткой, горе грязных тарелок в раковине, алюминиевым кастрюлям с подтеками. Окно было без занавесок, стекло ломаной линией пересекала трещина, разбитую форточку закрывал кусок оргалита. Пахло чем-то кислым и еще животным, словно в квартире держали собаку.

– Это твой новый начальник. Звать Егором..., Егор, как твое отчество?

– Вадимович, – отозвался Егор, отрываясь от созерцания кухни. – Это не обязательно...

– Обязательно, правда, Кока? – мужчина закивал. Затем развернулся к Егору, приподнял голову и внимательно, словно мог видеть только прямо перед собой, посмотрел на него. Паршин тем временем сложил бумагу, Егору показалось, что это бланк рецепта, и положил в карман куртки.

– Все, Мачо-пикча, нам некогда с тобой балакать, давай, веди себя хорошо.

Кокушкин закивал, левой рукой обхватил запястье правой и потер, словно с него после долгой носки сняли наручники.

– Вот и молодец. Иди, проводи гостей.

Дверь за соцработниками закрылась, но через несколько секунд снова запахнулась. – А, вы, – позади послышалось неловкое пыхтение, – вы, Константин Сергеевич, для мамы..., – мужчина снова замялся, засопел, а потом выдавил, – обезболивающего?

– Что? – гаркнул Паршин и обернулся. В следующее мгновение хлопнула дверь, и следом послышался щелчок дверной щеколды.

– Гаденыш, – зло процедил Паршин, – обезболивающие, помирать уже пора, – он говорил, играя желваками. Затем посмотрел на Егора, его лицо подобрело. Он улыбнулся и подмигнул. От этого подмигивания Егору стало нехорошо, словно коллега подписал его на какое-то грязное дело. Сделал соучастником, пусть не прямым, но бездейственным потакателем какого-то безобразия.

– Вот так с ними. Надо держать в тонусе, не то раскиснут и потекут. В тонусе, понял, – он сжал кулак, хрустнули суставы, и потряс перед лицом. Стиснул зубы, на тощих скулах заходили шариками мышцы, взгляд стал ледяным.

Потом, когда Егор шел домой, думал, может и правда, так надо. Он вспоминал вечно негодующую соседку, которая с товаркой с первого этажа такой же старой целыми днями полировали доски на скамье у подъезда. Неприязненными, долгими взглядами встречали и провожали всех прохожих. Их головы поворачивались вслед, словно радары отслеживают самолет – нарушитель. Смотрят в упор, не моргая, словно не человека смущают, а манекен в магазине рассматривают.

Дальше Егор стал вспоминать, как они лезут без очереди, бесцеремонно отпихивают его, возмущаются переброженным негодованием по всякому пустяку. Стоит одной зацепиться, как тут же подхватывает хор шамкающих и скрипучих ртов. И всякую чушь несут. А что в поликлинике твориться в очередях? От злости они сами друг друга кусают. Затеваётся перекличка и пошло – поехало: да кто когда пришел, да кто был первее, да кто за кем занимал, да кто во сколько встал, да что съел или вообще не ел, да кто чем болеет, и у кого больнее... Один не отозвался, его забыли, начали новую очередь, а за ним уже другие назанимали и пошел галдеж справедливого негодования. И лица у них такие, словно с годами затачиваются для возмущения. Кажется, они не способны улыбаться и выражать другие эмоции, кроме как сосредоточенное раздражение. И только вроде все выяснят, только утихнут самые рьяные, как кто-то забывает, за кем занимал и все поновой.

Порой Егору казалось, что у них такой аттракцион. Они специально в больницу ходят, чтобы погневиться, погонять кровь, расшерудить себя изнутри, убедиться, что еще не совсем старые, излить свою желчь и потом очищенными вернуться домой. А затем копить ее до следующего сеанса групповой терапии.

– Дальше у нас по списку Модест. Пьяница «конченный». Да к тому же катальщик. С ногами у него какая-то ерунда. Отнялись, – говорил Паршин, приподнимая воротник куртки и отворачиваясь от обжигающего ветра. – Тот еще крендель. Умника из себя строит, всякие закавыки порет. – Он замолчал, а потом встrepенулcя, словно о чем-то догадался, и посмотрел на Егора.

– Слушай, Егорыч, а чего тебе одних «конченных» насовали, прямо, как на подбор. Ты психолог бывший? Учился может?

- Нет, пожарник, - пробубнил Егор и упрямо наклонил голову навстречу ветру.
- Знаю, что пожарник и про подвиг знаю. Но ты имей в виду, я бы тоже так сделал. Подыхать из-за какой-то старухи... Просто не повезло, что тебя застукали. А так бы померла и померла. Днем раньше, днем позже. Ничего, Егорыч, здесь тоже жить можно. Пусть денежек мало, топать приходится и старых колош терпеть, но есть и кое какие преимущества, - он похлопал себя по заднему карману, где хранился подписанный Кокушкиным рецепт.
- Я вот, что думаю, к Модесту мы потом заглянем, а сейчас сходи-ка ты в обувную мастерскую в «Дом быта», по этой квитанции получи боты, - он полез в карман. - Изотова просила. А я пока по делу одному срочному метнусь. Через полчаса встретимся у афиши на Красина. Потом ко мне, обмоем твоё стажерство. Как тебе такое?

Они встретились через полчаса, как и договаривались у круглой будки с конусной крышей, обклеенной афишами и объявлениями. Егор получил из ремонта старые разношенные, подбитые женские сапоги на молнии с потрескавшейся кожей на сгибах и гарантийный талон, свернутый в трубочку, засунутый в голенище.

- Получил? Молодца. А сейчас айда ко мне, - Паршин поднял пластиковый пакет, предмет, напоминающий по выпуклым формам бутылку, заманчиво булькнул.

Обиталище старшего товарища встретило Егора хмурым взглядом черных низких окон одноэтажного деревянного барака с почерневшими от времени досками, с торчащими над шиферной крышей антеннами на длинных палках. Ступени крыльца стонали под ногами, перила сгнили и лежали в сырой траве. Паршин долго ковырял ключом в замочной скважине, прежде чем открыл дверь. Они вошли в подъезд, в нос пахло сыростью, гнилыми досками и карболкой.

- Не мавзолей конечно, зато места много и соседей нет, что немаловажно. Та квартира напротив пустая. Я перетер с кем надо, - Паршин подмигнул Егору, - там все еще живет мертвый железнодорожник. Проходи, - Паршин отпер дверь в квартиру. В узком коридоре было темно, едва угадывались очертания каких-то предметов наставленных вдоль стены. - Осторожно, не споткнись, -

предупредил хозяин и щелкнул выключателем. Под потолком вспыхнула желтым сонным светом лампа без абажура.

– Не разувайся, – махнул рукой Паршин, – проходи так. Нет не сюда, в другую комнату.

Егор остановился перед порогом замурзанной кухни и обернулся, – куда?

– Прямо по коридору и направо, она одна обогревается. Та, что дальше холодная. Тут с лета трубы чинят, все никак не сделают. Котлован за домом разрыли и бросили, он уже водой наполнился. Думаю, навсегда.

Осторожно ступая, опасаясь, что с подошвы посыплется земля, Егор прошел по коридору. Крашенные в коричневую краску, обтертые множеством ног гладкие доски, стонали и прогибались. Казалось, к их скрипу примешивается какой-то натужный вздох.

Коридор заканчивался бело-серой захватанной дверью с потрескавшейся и отслоившейся местами краской. Выглядела дверь таинственно и коварно. За такими дверями, как правило, скрываются вещи, которые тебя не обрадуют, но в то же время они манят. Егор несколько секунд колебался, затем повернулся направо и вошел в отапливаемую комнату. В лицо ударила волна жара с застоялым запахом грязных носков и карболки. В комнате было душно, кругом царил беспорядок. Армейская кровать была застелена полосатым покрывалом, а сверху лежало скомканное красное ватное стеганое одеяло. Егор догадался, что Паршин спит в одежде. Под окном стояли два трамвайных обогревателя. На одном пересушенные черные ботинки с матовой сухой кожей и задранными носами, на другом две пары черных вытянутых носков.

– Давай располагайся, – в комнату зашел Паршин с табуреткой в одной руке и бутылкой водки в другой. – Открывай пока, я сейчас пожрать сварганю.

Пили быстро и много, почти не закусывая. Через полчаса, Паршин хлопнул себя по коленям, – ну, что Егорыч, – проговорил Паршин, когда две трети поллитровой бутылки было опорожнено. По нему совсем не было заметно, что он пил. Только дыхание перегаром и блеск глаз выдавали его состояние. – Делаем перерывчик?

У Егора кружилась голова, а в животе разлилась приятная теплота. – Курить можно? – спросил он и полез в карман за сигаретами. Он решил, что в комнате, напоминающей сарай, это в порядке вещей.

– Не, братуха, извиняй. Курить на крыльцо.

– Лады, – Егор встал и нетвердым шагом направился к выходу. – Ты чего, не идешь?

– Потом. Иди один.

Холодный воздух обдал лоснившееся потом лицо. Раскрасневшийся, после выпитого и жаркой комнаты, Егор испытал удовольствие. Хмурый день уже не казался таким промозглым. Курил с наслаждением, взгляд блуждал по невзрачным низким домишкам провинциального городка, где половину жилого сектора составляли здания старой дореволюционной постройки с толстыми кирпичными стенами, низенькими оконцами с пыльными чердаками и жестяными крышами, над которыми возвышались полуразвалившиеся печные трубы. Многие еще топились углем и дровами. Не редкость было увидеть во дворах вдоль заборов и сараев поленницы.

Продавленный асфальт и выбоины на дороге заполнили мутные лужи. Опавший мокрый лист невзрачными кляксами залепил тротуар. Мокрая трава пожухла и льнула к раскисшей земле. Поздняя осень бесцеремонно, по-хозяйски брала бразды правления и уже не заигрывала красками.

По высокой дуге Егор запустил бычок в ржавый бодяг лохмами разросшийся перед баракком. Запер за собой дверь и вошел в коридор. Проходя мимо кухни, увидел в щель между приоткрытой дверью и косяком на светлом фоне окна покачивающуюся фигуру. Егор прильнул к проему. Паршин сидел к нему спиной на табуретке перед окном с опущенными плечами и раскачивался влево, вправо, словно маятник. «Может, он эпилептик», – Егору стало нехорошо. Паршин его пугал. Вся накопленная информация о новом приятеле спрессовалась и преобразилась. Создавалось впечатление, что Паршин психически не здоров. Его поведение не укладывалось в рамки понимания. И пугало. Осторожно ступая, растягивая скрипы половиц в плавные перекаты, Егор покрался прочь.

Остановился перед серо-белой загадочной дверью в конце коридора. Секунду колебался, быстро обернулся и, убедившись, что хозяин еще на кухне тихонько ткнул ее. Полотно беззвучно приоткрылось. В сером полумраке было трудно, что-то разглядеть. Егор распахнул дверь шире и вошел. Пахнуло пылью, сырым деревом и пряным ароматом яблок. Прямо у двери вдоль стены в три яруса стояли овощные ящики с яблоками. Некоторые плоды пропали, по коричневой морщинистой кожуре кругами пошла белая в точку плесень, некоторые почернели и раскисли. В углу примостился низкий шкаф, рядом – холодильник без двери, на полу два измочаленных в коричневых разводах матраца, прямо на них стоял дорогой велосипед в цветных наклейках со скоростями и амортизаторами. На трехногом стуле лежал инструмент – головки, ключи, электродрель. Егор наклонил голову, чтобы прочитать название. «Хилти» было выведено черными буквами на оранжевом корпусе. У окна на круглом черном столе с гнутыми ножками стояли три пустые птичьи клетки. На крайней Егор задержал взгляд. Она отличалась от двух квадратных необычной формой, такие он видел только в кино. Изогнутые металлические прутья напоминали перевернутый колокольчик. С легким разочарованием Егор еще раз обвел взглядом захлавленную комнату. Он сам не знал, что ожидал увидеть, но явно не то, что предстало взору. Утолив любопытство, он вышел, закрыл за собой дверь. Прошел в теплую комнату, сел на кровать и стал ждать Паршина. Приятная нега и благостное расположение растаяли, в носу все еще стоял аромат яблок, а перед глазами раскачивающийся Паршин с опущенными безвольными плечами. Егор никак не мог отделаться от ощущения, что находится в берлоге какого-то пока еще непонятного зверя. Вскоре по скрипу половиц он угадал в коридоре шаги Паршина.

– Опачки, а чего мы заскучали? – размытый взгляд Паршина облизал Егора. – Чего не пьем, – нетвердым шагом он подошел к кровати и с размаху опустился, так что запищали пружины. – Сегодня уже никуда не идем? – спросил Егор.

– Не, баста. Что-то меня развезло. Да и плохо спал сегодня. – Паршин постепенно завалился набок, глаза его закрывались. – Ты наливай...если что так...

Егор подождал несколько минут, пока Паршин не засопел, осторожно встал и с облегчением покинул теплую комнату. Стараясь, как можно меньше беспокоить скрипучий пол, на выходе заглянул в кухню. Рассеянным взглядом обвел узкую, вытянутую комнатку, где места свободного от мебели до стены оставалось метра полтора. На напольном шкафу среди немытой посуды лежал изломанный кластер с пустыми ячейками, а из-за белой хлебницы что-то торчало, очень

знакомое. Егор собрался зайти и рассмотреть, но тут вдруг понял, что это. Из-за хлебницы выглядывал поршень шприца. Больше он не задерживался. Покинул барак быстро с тяжелым чувством.

На следующий день Паршин встретил его в коридоре соцзащиты.

– Опачки, Егорыч, салют. Никак меня ждешь? – тонкие губы растянулись в вялой улыбке.

Егор топтался уже минут пятнадцать возле бухгалтерии, ждал его. Оставалось еще несколько подопечных, с которыми предстояло познакомиться. Тамара Сергеевна – секретарь – грузная женщина в тонких изящных очках, с пучком крашенных волос отпечатала ему паспорт на разрешение посещения пенсионеров. Выдала инструкции и выписки из законодательства, с которыми он должен ознакомиться.

– Выкинь всю эту макулатуру. Паспорт только оставь. Подожди я сейчас, – он скрылся за дверью в кабинет Червякова. Появился вновь минут через пять.

– Все, каторжник, почапали. Ждут нас «одувашки». – И тихо косясь по сторонам прошептал:

– Дешевые патаскушки, – противно хихикнул, пряча голову в плечи. Затем продолжил уже обычным голосом.

– Сейчас к Жанне, от нее зайдём в «Караганду» кое-что прикупим, далее к Академику, к Сивому. Таксист под вопросом. И еще к двум ангелочкам. Это в последний самый момент. Если успеем. Они на Фрунзе, туда за Пойму.

На выходе они едва не сбили с ног женщину. Высокая с каменным лицом, с выступающей большой грудью под драповым пальто она подалась назад.

– Ой, – словно икнул Паршин и расплылся в извиняющейся улыбке, – простите нас, Лидия Марковна, ради Бога.

– Поосторожне, – Лидия Марковна смерила их неприятным холодным взглядом, – не надо так спешить. Мало того, что посторонних травмируете, самим можно

голову сломать. Ее вытесанное лицо ничего не выражало. Не было понятно, сердится она, либо снисходительствует.

- Извините, - пробубнил Егор и поспешил проскользнуть мимо.

- Вы куда сегодня, Константин Сергеевич? - спросила она, пригвождая ледяным взглядом замешкавшегося Паршина. Он собрался последовать за Егором, но под пристальным взглядом дернулся и остановился, словно в его шестеренки, которые отвечают за ходьбу, просунули штырь и заклинили.

- Мы сначала в универмаг за продуктами, а потом по адресам.

Женщина пристально смотрела на него и молчала, словно просвечивала насквозь, разбиралась в хитросплетениях его мыслей.

- Да, - Паршин закивал, - так и сделаем.

- Кто у вас сегодня? - не отпуская его взглядом, спросила Лидия Марковна.

- Сивков, э-э-э, - под прицелом ее глаз он пытался вспомнить имя, а желательно и отчество подопечного. Лидия Марковна была строгой женщиной и требовала, чтобы подчиненные знали имена, фамилии и отчества своих подопечных. Это она считала неукоснительным правилом и первым шагом прививания уважения к пожилым людям и к своей работе. Казалось, она наслаждалась заминкой Паршина, - Юрий Андреевич.

- Анатольевич, - холодно поправила Лидия Марковна. - Дальше.

- Да, Юрий Анатольевич, потом к Жанне Евгеньевне, - Лидия Марковна согласно кивала, - к таксисту Богдану, - Паршин запнулся и сделал вымученное лицо.

- Сергеевичу, - с каждым напоминанием голос Лидии Марковны становился все строже, она все тяжелее нависала над бедным Паршиным.

- Да, Сергеевичу, затем к Марии Афанасьевне и Леониду Павловичу. - Он не стал называть «Академика», так как напрочь позабыл его имя, отчество, и даже фамилию.

– Константин Сергеевич, – неспешно нравоучительно начала Лидия Марковна, – в ваши обязанности входит знать своих подопечных, при общении называть их по имени и отчеству. Вы всем им в сыновья годитесь, надо проявлять к старым, немощным людям уважение и терпение. – Она покосилась на Егора, относя сказанное и к нему тоже. – Кстати, Егор Владимирович, Альберт Яковлевич провел с вами инструктаж?

Егор кивнул, хотя никакого инструктажа от Червякова он не получал. Единственным путеводителем в мире старости и немощи был Паршин со своими собственными измышлениями. Егор хотел побыстрее убраться и не общаться с этой грозной на вид дамой. Он впервые встретился с ней и знал только то, что она начальница всей их богодельни. Ни имени, ни отчества, ни фамилии не запомнил.

– Стерва крашенная, – процедил Паршин, когда унижительная экзекуция закончилась, и они свернули за угол дома, – только и знает имя, отчество, буд-то это показатель нашей работы. Такое ощущение, что это ей надо, чтобы остальные не забыли случайно, как ее зовут. Гадина, – зло прошипел Паршин, – ты, братуха, на нее особо внимания не обращай, всем рулит Червяк. Она высоко в облаках. На семинары ездит в Москву, на какие-то сборы в Читу, статейки в газеты стрикочет, а все грязное подтираем мы. Знаешь, кем она раньше работала? Директором детской школы художества. Ага. Теперь нам кровь портит. Паршин сплюнул.

– Ты, главное ее имя отчество выучи и хватит на первое время.

Из-за серых облаков боязливо выглянуло блеклое солнце. Контраст между темным и светлым вызывал ощущение конфликта, чего-то неправильного. Словно, солнце не вовремя встряло и хмурая осень сердится, еще больше сгущая краски. Ветер утих, и над городом повисла напряженная тишина. Лужи расправили морщины и отбрасывали тусклый ровный свет.

– Сначала зайдем к вдове, затем к академику, к таксисту, а там посмотрим.

– Костя, – заговорил Егор, – ладно я ссыльный, а ты-то чего здесь забыл? Платят копейки, начальница унижает, целыми днями топай, стой в магазинах в очередях, разноси продукты, мотайся по почтам, аптекам в дождь в мороз. Чего ты здесь забыл? И не говори, что ты проникся к обездоленным и сирым.

Насколько я понял, стариков ты терпеть не можешь.

- Ты прав, Егорыч, - Паршин внимательно посмотрел на Егора.

- Все так, только надо уметь в любом, даже самом неприглядном дерьме найти изюминку. Есть кое-какие плюсики, как говорится с миру по нитке. Он широко улыбнулся.

- Но тебе это не надо. Ты все равно скоро сваливаешь. Продержись без залетов месяц - другой, под ногами не путайся и все будет пучком. Вернешься в свою пожарку и забудешь, кто такой Костик.

Паршин печально улыбнулся.

- Там вон, за тем домом налево поворачиваем.

Он вскинул руку и поднес к глазам часы.

- Жанночка строгая дамочка, любит пунктуальность. Принимает с девяти до десяти, если запоздаешь, тут-же строчит Марковне. Они подружки, еще с тех времен.

Паршин неопределенно мотнул головой. Но Егор догадался, что с давних.

- Их мужики, что-то вместе мутили. Жанночкин благоверный на «Ильиче» директорствовал, проворовался, его в тюрьгу упекли, где он благополучно и скончался, кажись, от инфаркта. Она чем-то даже похожа на Марковну только поядовитее. Обе покусать мастачки. Вот, смотри.

Они завернули за угол.

- Это ее хоромы, весь первый этаж, а при живом муже все два занимала.

- Ого, - воскликнул Егор, - вот это домишка.

– Домишка, не домишка, а метров триста жилой площади будет. И главное хватает пенсии коммуналку оплачивать. Паршин многозначительно посмотрел на Егора. Затем распахнул кованную калитку в чугунной литой ограде и зашел на аккуратную, подметенную площадку перед домом с клумбами черной перекопанной земли с пучками пожухлых цветов, с щеткой подстриженных кустов вдоль изгороди и сиренью под окнами.

Они встали под медным, окислившимся и почерневшим козырьком, который удерживался узорчатыми подпорками. Паршин нажал на кнопку домофона. Скоро динамик зашелестел и из него послышался строгий голос.

– Кто? – прозвучало, как сломанная ветка, резко и громко.

– Здравствуйте, Жанна Евгеньевна. Паршин растянул губы в сладкой улыбке и наклонился к глазку камеры встроенной в домофон.

– Кто с тобой?

– Это, Жанна Евгеньевна, наш новый сотрудник. По распоряжению Лидии Марковны, теперь будет вас навещать. Покажи бумаги.

Паршин повернулся к Егору. Егор достал из кармана куртки документ и подал Паршину. Тот развернул его и продемонстрировал камере. Через минуту клацнул замок.

– Пошли, нас приглашают, – прошептал Паршин и мотнул головой в сторону железной двери с антивандальным покрытием. Они поднялись на три ступени и оказались на лестничной площадке перед дверью из дубового массива. Сзади с металлическим щелчком закрылась входная дверь. Паршин постучал в дубовую дверь. Деревянный, глухой звук раскатился по подъезду. Светлая точка глазка на несколько секунд затемнилась, затем послышались щелчки отпираемых замков.

Эта процедура длилось долго. Егору показалось, что вся дверь была утыкана замками и запорами. Наконец, дверь приоткрылась. В щель, ограниченной цепочкой, показался блестящий глаз. Он быстро цепко обшарил визитеров, затем пространство за их спинами. Звякнула цепочка и дверь распахнулась. В темно-сером приталенном платье, с тугим пучком черных волос на затылке,

опираясь на костыль с поддержкой – канадку, стояла строгая безгрудая моложавая дама. Поджав тонкие бледные губы, приподняв подбородок, как бы с пьедестала взирала на соцработников. Она была холодная и какая-то острая, словно скальпель, готовая разделаться с любым, кто сунет нос в ее дела. Казалось, общение с соцработниками ей дается через силу. Настолько это неприятно, что ей не в силах это скрыть. Высокомерный расчленяющий взгляд вдовы Егору не понравился. Он понимал; это они делают ей услугу, стараются сгладить тяготы старческой жизни. Это ему предстоит в дальнейшем несколько недель покупать и приносить ей хлеб, молоко, прочие продукты, газеты, в том числе и туалетную бумагу.

– Еще раз здравствуйте, Жанна Евгеньевна, – залепетал Паршин. – Лидия Марковна шлет вам привет и спрашивает, чем может быть полезной?

Хозяйка едва заметно кивнула головой, развернулась прямой спиной, как циркуль, и сильно припадая на короткую ногу, опираясь на костыль, похромала по коридору.

– Снимай башмаки, – шепнул Паршин Егору и, придерживаясь рукой за стену, спешно стал стягивать ботинки. – Тапки там.

Егор почувствовал неприятный запах источаемый носками Паршина. В себе он был уверен, так как утром надел свежие. Его не оставляло гадкое, неуютное чувство просителя. Они, словно пришли бить челом у барыни. Не сказав ни слова, одним взглядом и протупающей породой она принизила их до батраков.

Они прошли по блестящему паркету, в светлый просторный холл, где выпрямив спину, словно проглотила кол, на самом краешке изящной кушетки, жеманно сложив руки на коленях, их ждала Жанна Евгеньевна. Откуда-то из соседних комнат доносилась песнь канарейки. Приземистый с толстыми кирпичными стенами дом, с характерными чертами времен еще дореволюционной купеческой моды, хранил ауру незримого присутствия старых владельцев. Внутри он выглядел куда современнее. Роскошь не топила, не вязла в зубах, не пестрила, а лишь намекала мелкими точными деталями на изысканный вкус хозяйки. Центральное место в холле занимал большой встроенный камин, облицованный изразцами.

Хозяйка повелительным жестом указала на два стула у двери. Егора не покидало ощущение, что он участник какого-то спектакля, и все эти нелепые движения срежессированы. Жанне Евгеньевне не семьдесят два года, а куда больше. Она словно переместилась во времени вместе с домом из эпохи расцвета русской буржуазии.

– Со всем вниманием, – она слегка наклонила голову и приготовилась слушать Паршина. На Егора она даже не смотрела.

– Вот, Жанна Евгеньевна, – как-то по холопски смущаясь, – заговорил Паршин. – Хотим вас познакомить с новым работником, вернее сотрудником Нагибиным Егором Вячеславовичем.

Егор покосился на напарника. Его фамилия была Владимирович. Но поправлять не стал.

– Теперь мы вдвоем попеременно будем вас навещать и выполнять ваши задания.

– Приятно познакомиться, – Жанна Евгеньевна царственно взглянула на Егора, словно дала милостыню.

– Взаимно, – просипел Егор, в горле запершило, он откашлялся.

– Я надеюсь, – хозяйка сделала паузу и снова перевела взгляд на Паршина, – проинструктировали своего коллегу о времени посещения и заведенном порядке?

– Разумеется, – с придыханием проговорил Паршин. Егору послышалось, что тот проговорил это слово со свистящей «с» на конце – разумеется-с. В памяти возник сюжет старого фильма, где Гоголевские благовоспитанные подхалимы пресмыкаясь перед самозванцем говорили именно так.

– Возьмите, – изящным движением Жанна Евгеньевна выудила из рукава сложенный лист бумаги и протянула Паршину. Тот соскочил с места и, раболепно пригибаясь, быстро, едва не переходя на рысь приблизился. Когда брал листок, Егору показалось, что он поцелует ей руку. Женщине, по-видимому,

тоже так показалось, она отдернула тонкую кисть, сморщилась и брезгливо изогнула губы. – Первым делом отправьте заказную телеграмму в Ржев, – продолжала она тоном, не терпящим возражение.

– Если Рыбинский хлеб не свежий, возьмите наш и грузди, что принесли в прошлый раз, слишком соленые и, извините, сопливые. Найдите старушку, что продавала вам раньше. Козье молоко уже было с кислинкой. Спрашивайте, свежее ли. Пока все. Да, и передайте Лидии Марковне, пожертвования фонду перечислила. Пусть не беспокоится. Больше, господа, не задерживаю.

Она не искала общения и сочувствия. Она не тяготилась одиночеством. От соцработников ей было нужно лишь исполнение ее поручений. Где-то неугомонно щебетала канарейка.

Паршин едва сел, как тут же вскочил и заторопился в коридор как-то полубоком, словно чувствовал себя неловко из-за того, что повернулся к Божьей помазаннице спиной.

Когда обувались под строгим взглядом хозяйки, которая стояла поодаль, Паршин на мгновение задержался и посмотрел на замки.

– Сегодня, судя по щелчкам, вы заперлись только на четыре. Обычно на пять, не маловато будет, Жанна Евгеньевна?

– Самый раз.

Паршин кивнул, выдавил задом дверь и выкатился на лестничную площадку, увлекая за собой Егора.

– Что-то старая карга прячет. Понавешала замков... – Паршин задумался, затем продолжил. – От нее уходишь, словно от прокурора, вроде ничего пока еще не сделал и в то же время чувствуешь себя виноватым. Видел, как она разговаривает, словно слова дарит... Терпеть не могу.

– Так откажись, пусть Варвару или ту другую тетку с маленькой головой приставят.

– Нет, Варвару нельзя, слишком она это... Ну в общем она сама не пойдет к этой стерве, а матерщинницу Светку уже пробовали. От ее рабоче-крестьянской простоты у вдовы едва акалептический удар не случился.

– Что?

– Ха, – довольно хмыкнул Паршин. – Это я так у академика нахватался. То есть копыта едва не отбросила.

– Апоплексический, – поправил Егор.

– Ты что, тоже академик?

– Нет. Просто слово знакомое. Но мне, кажется, правильнее эпилептический криз.

– Плевать. В общем, классовая нетерпимость у них случилась. Видел, какая она барыня, только меня и терпит... И я ее пока... – как-то в задумчивости тихо проговорил Паршин, – Червяк, наверное тебя специально к ней подвязал, чтобы... Хотя черт его знает. Там и твой психолог мудрит. Фиг разберешься. И вообще смотри. Червяку ты не понравился. Он своих бабушек и дедушек обожает, сам скоро на их месте окажется.

– А про какой фонд она говорила? – спросил Егор.

– Какой-то попечительский. Наша Марковна вообразила себя Саввой, для «конченных» открыла ночлежку. Только мне кажется муть все это.

– О порядке, каком-то вдова говорила.

– Ничего особенного, просто веди себя у нее прилично, молчи, быстро пришел, быстро ушел. Чуть полюбезнее с ней и будет тебе счастье. Во, смотри, – и Паршин вытянул из кармана брюк за длинную цепочку карманные часы. Они блестели на осеннем хилом солнце и своей тяжестью раскручивали цепочку.

– Не золото, но все равно, вещь недешевая. Паршин ловко подхватил часы той же рукой, что и мгновение назад держал цепочку. Нажал на кнопочку. Створка

упруго откинулась, и взгляду Егора предстал перламутровый переливающийся циферблат с изящными тонкими стрелками.

– Так-с, сколько у нас натикало? – Паршин поднес часы к глазам, – без семи минут десять. На обед рано, а вот к академику заскочить успеем. Но... Он спрятал часы в карман.

– Сперва надо затариться.

Оказавшись внутри небольшого магазинчика, пропахшего хлебом и телогрейками, он достал список и стал заказывать продавщице, – масло «краевое» триста, молоко «ферма» полтора жирности, батон черного за восемнадцать... Закончил Паршин бутылкой водки «забайкальской», самой дешевой в ассортименте. Все остальные продукты тоже были в основном местных производителей и весьма бюджетными. За все про все продавщица попросила двести семнадцать рублей двадцать копеек. Паршин аккуратно отсчитал требуемую сумму и взял увесистый пакет. – А теперь к академику.

Паршин постучал кулаком в дверь.

– Иду-у-у, – послышался приглушенный протяжный голос. Щелкнула щеколда, дверь распахнулась. В нос пахнуло застоялым запахом старческого жилья. На кресле-каталке, держась за металлические обручи сухими, жилистыми, словно манипуляторы руками, сидел чисто выбритый с сизым подбородком, фиолетовой сеткой сосудов на щеках и носу пожилой мужчина лет шестидесяти. Худощавый, согнутый в подкову, едва коснулся посетителей взглядом водянистых блеклых глаз и уставился на пакет.

Модест Павлович Хазин жил куда скромнее, чем вдова осужденного за воровство чиновника. Он занимал две тесные комнаты на втором этаже старого кирпичного дома с деревянными перекрытиями, с потолками, штукатуренными по дранке. Узкий коридор, в котором едва могли бочком разойтись два человека, поворачивал направо в крохотную кухню с печью, на которой стояла двухкомфорочная газовая плитка. Егор прочитал на заляпанной жиром табличке «ПГ-2 – Н -П». Скрученные электрические провода в тряпичной обмотке, крепились на керамических изоляторах и тянулись от накладного выключателя к засиженному мухами плафону. Как и в большинстве домов этой части городка,

узкие деревянные оконца пропускали мало света.

На кухне было задымлено и пахло жареным луком. На маленьком столе, притулившемся к «морозко» с дверцей напоминающей капот грузовика, на разделочной доске стояла чугунная сковорода, где в масле плавал поджаренный лук.

Егор сразу догадался, что академик пьющий. Под подоконником у чугунной батареи стояла шеренга пустых бутылок из-под водки.

- Модест, кота толкни, а то скоро на стол залезет себя лизать.

Паршин скривил брезгливую физиономию, взял со стола вилку, насадив золотистое кольцо, и отправил в рот.

- Пошел, пошел, Тесла, там, в комнате ногу поднимай, - тихо на выдохе, как старец Фура, проговорил инвалид.

Облезлый кот, опустил ногу, внимательно посмотрел на хозяина желтыми глазами, словно спрашивал: «Ты точно уверен, что этого хочешь?», - и нехотя побрел из кухни. Пинок Паршина придал ему ускорения.

- Ты принес? - слова вырывались из рта хозяина вместе с шумным дыханием, становилось непонятно, он так вкрадчиво говорит, или громко шепчет. Паршин не спешил отвечать. Подцепил еще колечко. Повернулся к Егору и предложил:

- Будешь?

Егор помотал головой. Его не покидало ощущение, что Паршин пришел в дом к своему близкому родственнику. Он посмотрел на Модеста Павловича. Тот не сводил глаз с пакета, раскачивающегося в руке соцработника.

- Как дела? Здоровье? - жевал Паршин, искоса поглядывая на старика.

- Хорошо, хорошо все. Не томи, голубчик.

- Давай скажи, что-нибудь умное. Удиви, давай, нового сотрудника. Ну.

– А чего сказать – то? – кадык инвалида нервно дернулся вверх, вниз приподнимая морщинистую кожу.

– Ну, эдакое, – куражился Паршин.

– Меня пилица окигикала в лугах, не будет ли худа? Надокучил, как пигалица на болоте, криком киги!

– Еще.

– Подите в лес, милейший, – плаксиво протянул инвалид.

– Во, – Паршин засмеялся, – надо запомнить. А то все в задницу да на передницу. Видал, как академик чибучит. А когда выпьет, я его вообще не расшифровываю. Ничтожа смяшись, как тебе такое? – Паршин с вызовом глянул на Егора.

– Ничтожеся смяшись, – просипел Модест Павлович.

– Что?

– Прошу тебя, всю душу уже истомил, сатрап, эдакий. Изымай.

– На, на, – Паршин говорил, так, словно хотел, чтобы от него, наконец, отвязались. С брезгливой миной полез в пакет и достал водку. У Модеста Павловича заблестели глаза. С заметным усилием он неспеша подкатил к столу, подрагивающей рукой взял бутылку, повернул этикеткой и прочитал название.

– Забайкальская.

Он судорожно сглотнул.

– Костик, голубчик, я же вас просил эту вытву больше не являть. У меня от нее голова колется.

– Как хочешь Модест, другой нет, – Паршин потянулся к бутылке.

– Ладно, ладно, голубчик, это я так не подумавши, чай не патриции в синедрионе. И на этом спасибо. Апофеоз апологету. А как вас, милейший? – хозяин обращался к Егору.

– Егор.

– А по бабушке, ну да ладно, после познакомимся поближе, подайте, пожалуйста, чарочку, вон, в том шкафчике. Вы...будите, – снедаемый большой страстью едва выдавил Модест Павлович, явно давая понять, как трудно далось ему такое выговорить.

– Спасибо, нет, – кинул через плечо Егор, открывая посудный шкаф, установленный прямо на тумбу. Дверца противно проскрежетала по столешнице. Пока Егор возился с посудой, а Паршин жевал жареный лук, Модест Павлович не выпуская из рук бутылки, открыл холодильник и достал блюдо с нарезанным лимоном и банку с корнюшонами. На его тонких бескровных губах блуждала бледная улыбка.

– Огурцы будем, а водку сам хлебай, – пробурчал Паршин и выхватил у старика банку.

– Да, конечно. Обязательно вкусите этих хрустящих сорванцов, – пропел инвалид. В воцарившейся тишине, тихо позвякивая горлышком о край рюмки, под равномерные бульки Модест налил до золотой каемочки. Блаженная улыбка не сходила с его губ. Егор, скривившись, смотрел на старого пьяницу с повадками трусливого побитого барбоса. Наконец, Модест поставил бутылку, мельком виновато взглянул на гостей, затем громко сглотнул и дрожащей рукой взял рюмку. Другой крутанул колесо и оказавшись спиной к смущающим его лицам, закинул голову назад, одновременно вливая пойло себе в рот. Утробный глоток огласил кухню. Модест Павлович секунду крепился. Затем шумно выдохнул, весь как-то сдулся, обмяк и замер.

– Все, голубчики, мне значительно лучше, – сипел инвалид, – я сам себя ненавижу в таком вот непотребстве. Рано встретил тернии в юдоли своей земной. Человек слабое существо.

– Он вилкой подцепил огурчик из банки и как собака кость, с хрустом откусил коренными. Пережевал и продолжил, – познавшее чары удовольствия,

душевного утешение в горькой. Организм молит. На дух не переношу эту мерзость. Когда-то я пил ее, теперь она меня... *Abyssus abyssum invocat*, - с этими словами он потянулся за бутылкой и снова налил стопку.

- Кредит еще позволяет? - он покосился на Паршина.

- Еще на раз. И давай это не втягивай нас в разговоры. Мы не попы, чтобы слушать твои исповеди.

- Поп, - Модест Павлович закашлялся смехом, стыдливо прикрыв рукой рот.

- Рукоположенный в духовный чин пастырь наш. Кхе-кхе, не от тебя серой пахивает, милейший?

- Чего? - Паршин с непониманием посмотрел на инвалида. По его лицу было видно, что он догадывается - о нем сказали, нелесное, но доподлинно не знает.

Модест Павлович не ответил, развернулся на своем инвалидном кресле и резким движением закинул голову. Грязные слипшиеся седые волосы сосулькой упали на затылок. Глоток, выдох, он медленно согнулся и затих, только макушка торчала из-за спинки.

- Все Модест, нам пора, чиркни здесь. - Паршин вытащил из внутреннего кармана ведомость и ручку, положил на стол рядом с инвалидом. Тот минуту сидел неподвижно, скрючившись в кресле у подоконника, а за грязным узким окном, перечеркнутый облезлым крестом рамы хмурился день. Под порывом ветра голыми ветвями размахивала черемуха, словно кричала: «Что же ты делаешь, Модест?» Модест Павлович тяжело выдохнул.

- Как я устал, - а потом громко:

- Как устал, знали бы вы.

Когда он развернулся, в покрасневших глазах стояли слезы.

- Ой, Модест, прекращай. Говорю, торопимся. Здесь вот, - он пальцем ткнул в бумагу. Старик не глядя, как-то обреченно поставил росчерк и посмотрел на

Паршина. – Голубчик...

– Ну, что тебе? – с уставшим нетерпением проговорил тот.

– Голубчик, не оставь старика, – по щеке старика покати́лась капля, – у меня еще есть марки.

– Все потом, Модест. Давай, Егор, двигаем, этот скулеж никогда не кончится. – Паршин пошел на выход, загребая с собой Егора.

– Пенсию обещают деноминировать? – прокричал старик уже в закрывающуюся дверь.

– Нет, – кинул Паршин и захлопнул.

– Как он на улицу со второго этажа выбирается? – спросил Егор Паршина в полумраке подъезда, спускаясь по крутой деревянной лестнице.

– А никак. Пьет, только когда принесу. Конченный он. В последнее время вообще раскис.

Несколько чувств мешалось в нем к старику. Ненависть – так тебе и надо, размазня, сам виноват и в то же время какое-то ноющее сострадание. Он пытался представить себя в инвалидном кресле, беспомощным, зависимым, запертым кирпичными стенами, окруженным старыми вещами и ему стало жутко от накатившей безысходности.

– Он дочуру выпер, когда она залетела. Один ее воспитывал. Жена умерла при родах. Холил дочу, лелеял, в институт московский готовил. Говорят, она с медалью закончила школу, умница, такая благовоспитанная. На фортепьяно играла. Единственно, страшенькой была. А когда она в подоле принесла, он ей коленом под зад.

– И что? До сих пор не общаются?

– Она с женишком той же зимой укатила. Так и с концами. Ни слуха, ни духа. Одно слышал – сожитель ее бездельник жуткий, сматался от нее. Так, кажется,

и не расписались. А Модест теперь сопли на кулак мотает, водяру хлещит. Не поверишь, раньше крепче кефира в рот не брал. А ведь умный, гад. Даже жалко такой кладезь зарывать в сыру землю, – Паршин улыбнулся довольный удачной фразой.

– Какую академию он оканчивал? – спросил Егор.

– Точно не скажу, что-то с архитектурой связано. «Стрелу» в Чите строил он. Не сам, конечно, проект его.

К Шаламову Богдану пришлось ехать на автобусе через весь городок. Остановка «Заречье» обозначалась ржавой табличкой с буквой «А», приколоченной к накренившемуся и почерневшему от времени электрическому столбу. На проселочной дороге, разбрызгивая лужи, ПАЗик переваливался и фырчал, как старый боров. По деревянному мосту, делившему город на две части – старую и новую, переехали глубокий каменистый оврага, по дну которого петлял ручей. Выше по течению он протекал под бойней. На переборах, собиралась розовая пена и мусор.

О Богдане Паршин говорил неохотно. Он единственный из его подопечных был «всученный». Все из-за расположения. Зимой женщинам далеко добираться, автобус редко ходит и не по расписанию. Мерзнут. И бояться они бойни. Молва про эти места плохая ходит. Жуткое место. А из «ходовков» до недавних пор Паршин был один мужчина.

К Богдану они в дом заходить не стали. Хозяин не приглашал, Паршин не напрашивался. Под навесом крыльца Паршин познакомил Егора с новым подопечным. Болезненного вида полный мужчина с протезом вместо правой ноги, с одышкой, темными кругами вокруг глаз, грубый, негостеприимный производил неприятное впечатление. Егор заметил, что Паршин ведет себя с Богданом не так, как с остальными. Показалось, что он побаивается здорового таксиста. Пожатие Богдана было крепким, даже болезненным. Он посмотрел на Егора и протрубил:

– С тобой сработаемся.

Егор понятия не имел с чего это таксист взял и с кривой улыбкой хмыкнул.

- Да уж.

Крепкий дом с застекленной террасой, балконом, с ломаной крышей стоял в глубине сада. Каменистая дорожка тянулась вдоль разросшихся кустов смородины. Мокрые ветви чиркали по штанам, оставляя темные полосы, трава, проросшая между камней, хлестала по ботинкам. Дыхание, красота осени здесь чувствовались и виделись куда сильнее, чем в городе. Как ей и должно, неспеша, церемонно готовила сад к погребению. Покрывало из желтых, коричневых лоскутов накрыло землю. В отличие от городских, деревья сохранили больше листвы и казались елками с игрушками из редких листьев и несобранных яблок.

- Это и есть гнездышко наших ангелочков. До того у них все хорошо и мило, что аж противно. Сюси, пуси.

Паршин сплюнул.

- У них сын с женой на машине разбились. Ехали по сопке, то ли колесо лопнуло, то ли на камень наехал, одним словом, кувыркнулись. Я его не знал, а вот девчон его несколько раз встречал в «Галактике», когда еще на дискотеки ходил. Ничего так. Я бы ее взнуздал, - Паршин ухмыльнулся.

- Они до сих пор его комнату запертой держат. Прикинь, не убираются, ничего не меняют, словно склеп сделали. Мне велик его отдали.

Хозяина дома Егор заметил не сразу. На широком крыльце, залепленном желтыми листьями, он неподвижно сидел в кресле - качалке, завернутый в плед и, не моргая, наблюдал за ними. Егору не понравилось, что их не окликнули и не дали понять, что видят. Казалось, старик следил, чтобы они ничего не прикарманили.

Соцработники поднялись по мокрым ступеням.

– Я его зову Идол, как истукана деревянного, к тому же он еще глухой. – Старик до последнего прикидывался ветошью и только когда Паршин громко сказал, – Здравствуйте, Леонид Павлович, – выполз из-под клетчатого покрывала.

Посмотрел на них разными глазами – один едва не выпрыгивал из орбиты, как у лошади шарахающейся от огня, другой прищуренный, словно от едкого дыма.

Голова его мелко тряслась.

– Здра-а-асти, – слышался дребезжащий голос, в области колен из-под пледа выпала большая костлявая ладонь и замерла, словно соскользнула во сне.

– Как здоровье ваше? – Паршин наклонился, собрал суставчатые пальцы и потряс. Егору показалось, что он слышит стук костей.

– Дышим пока, а кто? – длинный указательный палец, напоминающий лапку паука, шевельнулся в сторону Егора.

– Это наш новый сотрудник. Временный. Месяц, может чуть больше будет со мной попеременно навещать вас, – Паршин склонялся к уху глухого старика.

– Егор его звать. Егор, познакомься.

Паршин обернулся.

– Это Леонид Павлович, а где Мария Афанасьевна? – снова он обратился к старику.

– Гуляет, – как-то совсем уж тихо прошелестел тот.

– Мы бы не беспокоили вас, но продрогли малость. Это у вас здесь в саду тихо, а там, – он мотнул головой в сторону улицы, – ветерок бродит.

– Да, заходите, там... – голос старика скрипел и дрожал, словно травинка на ветру.

– Пошли, – Паршин кивнул Егору. Егор посмотрел на старика, рука продолжала торчать из-под пледа. Егору показалось, что тот ее не чувствует, захотелось хрупкую безжизненной кисть спрятать под плед.

На улице было зябко. Если присмотреться даже угадывался легкий парок, вырывающийся изо рта. Тоскливая, звенящая тишина висела в морозном воздухе. Далекое ленивое карканье ворона отозвалось замогильем.

Скрипнула калитка. Вначале тропинки, среди кустов и деревьев показалась низенькая, немного сутулая женщина в сиреновом берете, в сером пальто с букетом пестрых желтых и багровых листьев. Она заметила гостей и помахала рукой. По одному этому движению можно догадаться, что у калитки старушка. Махи рукой были слабые, казалось, даются с трудом.

Паршин, убрал руку с ручки и отступил от двери, словно стеснялся, что хозяйка догадается о его намерении проникнуть в дом без ее приглашения, воспользовавшись немощью и гостеприимством, а может даже и неведением больного старика.

– Здравствуйте, молодые люди, – пропела низенькая старушка, раздавленная в бедрах, словно прессом с торцов сдавили полено, и оно в середине лопнуло расперлось щепой. Ее резиновые мокрые сапожки блестели, словно лакированные. – Как мы с вами разошлись? Я буквально на минутку Лелика оставила. У нас в саду клена нет, – она приподняла вверх букет из кленовых листьев. – Заходите, чего же мы стоим. Ленчик, тебе чаю принести? – она участливо заглянула в стекляшки глаз старика. Тот мотнул головой.

– Тогда потом.

Женщина постоянно вздергивала брови, словно они наползали на глаза и мешали смотреть.

– Заходите, мальчики. Может бутербродов?

– Не откажемся, – Паршин заметно повеселел.

– Как ваши варикозы? – покрасневшийся, уминая белый хлеб с докторской колбасой, спрашивал он как бы между делом, вглядываясь в срез бутерброда.

– Всяко бывает, – хозяйка погладила колена. Из-под длинной юбки виднелись ее ноги, сквозь хлопковую ткань колгот проступала намотка бинтов.

– Что-то Леонид Павлович неважнецки выглядит, – не переставая жевать, Паршин поддерживал разговор.

– Не знаю, Костик, Уже какую неделю спит плохо. Просыпается среди ночи и лежит с открытыми глазами. Говорю, чего свет не зажжешь, таблетку не выпьешь? Он чудной, говорит, меня боится разбудить. До этого не знал, мол, что сон такая великая ценность. Я даже Кешу и Раду на второй этаж отнесла, чтобы не будили. Он бывает днем заснет, а они, как раскричатся. Он и просыпается. Головой вертит, словно не понимает, где очутился. Минуты три пройдет, прежде чем меня узнает. Страшно мне за него. Говорит, сны перестал видеть. Я ему не верю. Говорю, что просто не помнит, а сны всегда человек во сне видит, иначе он тогда не спит. Нет, он на своем. Говорит, даже смутного ощущения нет, что снились. Словно, падает в бездонную черную яму. Ты, Костик, зайди к терапевше нашей Ильинишне, может, что посильнее выпишет. Если надо то без рецепта, сами купим, лишь бы помогло.

– Хорошо, Мария Афанасьевна. Вот, еще что, – он из внутреннего кармана куртки достал конверт. Раскрыл его и извлек сложенный лист бумаги, – наша бухгалтерша сделала вычеты, оставшуюся сумму вам надо оплатить. Вот здесь, смотрите. – Он привстал со стула и пальцем показал куда смотреть.

– Это уже с вычетами? – подняла на него глаза старушка.

– Само собой, там чек, вы цены сравните.

– Плохо вижу, сейчас за очками схожу.

Старушка вышла в соседнюю комнату. На теплой террасе, где они пили чай за большим столом, накрытым плюшевой зеленой скатертью ароматно пахло яблоками. Они стояли в ящиках под окнами, румяные спелые. Егор дотянулся и сунул одно в карман. Паршин подмигнул: – Бери больше. У них еще варенье яблочное вкусное, потом попроси, скажи, я хвалил.

Егор взял еще одно и с хрустом откусил. Кисловатый сок брызнул из-под зубов. Егор сморщился и замер. Когда оскомина прошла, с удовольствием продолжил пережевывать сочный плод. Рассеянно обернулся, осматривая светлую терраску. В глаза бросилось красивое резное трюмо из темного дерева с толстым стеклом

и изящным переплетом. Чайный сервиз поблескивал из глубины глянцевыми бликами. Тяжелый старинный подсвечник из меди, с витой ножкой, позеленевший от времени, возвышался на крышке.

Егору понравился этот дом, эта терраса, большой сад, аромат яблок, сухие доски, льняная штопаная скатерть. Все здесь дышало стариной. Дом, словно губка, впитал время и незримое проявилось. Он ярко представил уездного лекаря, которой распахнул входную дверь и шагнул на террасу. Каблук высоких сапог стукнул по деревянному полу. С брезентового плаща ручьями сбегала вода. Доктор наклонился и поставил на пол вместительный кожаный саквояж с латунным замком и перетянутый ремнями...

– Вот, Костик, считай, – в комнату зашла хозяйка с очками на носу. Она положила деньги на бумагу из бухгалтерии. Паршин пересчитал. – Все, как в аптеки, Мария Афанасьевна. Спасибо за чай. Если не жалко, мой коллега возьмет пару яблочек. Больно они у вас ароматные.

– Конечно, – завохтала хозяйка, как бы устыженная, что сама не предложила, – берите сколько хотите.

– Нам много не надо, – говорил Паршин, распихивая сочные плоды по карманам. Егор, не стесняясь, тоже набил свои так, что они неприлично оттопырились и молния на куртке, когда они уходили, не сходилась.

– Замыкаем Сивковым. Он же следующий. Он же последующий, – деловито произнес Паршин, с хрустом откусывая яблоко.

На автобусе они вернулись в город. Немного поплутали по грязным улочкам с заросшими дворами, покосившимися деревянными гаражами и оказались возле двухэтажного кирпичного дома. Над красно-рыжей коробкой с деревянными рамами, словно пугала, растопырились антенны. Железный облезлый гараж, плотно обступленный пустырником, присоседился у столбов с веревками для сушки белья.

– Он немного с приветом, – продолжал Паршин. – Пошел раз в магазин, самого потом пришлось искать. Крышу у него порой сносит. Память отшибает напрочь. Меня не всегда узнает, а так крепенький, правда, щуплый и хитрющий. Иногда в

разговоре проболтается, такое вспомнит, что кажется, он специально забывчивым притворяется, чтобы мы ему харчи и пенсию таскали. Всякую фигню любит попрошайничать. Ты его хитростям не поддавайся. Ухарь он еще тот. Пальчики нежные, картинки малюет. Не знай я его, подумал бы, что вор – щипач или пианист. Прямо трясется над ними. – Паршин растопырил пятерню и затряс перед лицом.

– Глазки юркие, так и бегают, так и смотрят чего бы стащить. Кажется, он порой сам у себя тырит. Любитель покляузничать. Строчит записочки нашей Марковне только в путь.

На стук работников соцзащиты, хозяин квартиры долго не открывал, топтался у двери и всматривался в глазок.

– Сколько можно, Юрий Анатольевич, у нас еще трое. Ей Богу, как маленький. Открывайте уже, – трубил Паршин.

Возня у двери затихла, но стали слышны удаляющиеся осторожные шаги, скрипнула половица.

– Вот придурок, – прошептал Паршин, – сейчас будет притворяться, что только услышал. В подтверждение его слов зажурчала в унитазе вода, хлопнула дверь, и из глубины квартиры послышался неприятный писклявый голос:

– Кто там?

– Да мы, мы, – с нетерпением прокричал Паршин.

– Кто это мы? Дай – ка в глазок посмотрю. – На мгновение линза в двери затемнилась, почти одновременно щелкнула щеколда. – А это вы! Давно стоите? А я не слышу, в туалете сижу. – Тонкая, как волос улыбка выплыла из-за двери. Паршин шумно выдохнул, закатил глаза, мол, когда это кончится и шагнул через порог. Пожилой мужчина низенького роста, щуплый с усиками и блестящими глазками, отступил в сторону, пропуская посетителей. Что-то в его неискренней улыбке было отталкивающее, словно он вас заманивает в ловушку. Такой доморощенный Мазарини, мастер ножа и гобеленов. «Скользкий тип», – отметил для себя Егор.

– Здравствуйте, здрасте, – тонкие губы растянулись и под аккуратными усиками блеснул ровный ряд пожелтевших зубов. – В комнату проходите.

Паршин стал топтаться на месте, выискивая, куда бы присесть.

– Как это меня приспичило? – Юрий Анатольевич тщедушно хихикнул, не замечая с какой неохотой Паршин наклонился и стягивал ботинки. – Сижу, слышу кто-то звонит...

– Мы стучались, у вас звонок сдох уже месяц назад, – перебил его Паршин.

– Правильно, сдох. Заменить надо.

– Так кто ж вам его менять будет? – пробубнил недовольно Паршин.

– Так это на ваше усмотрение.

– На какое усмотрение? – выпрямился Паршин, так и не сняв ботинок.

– На меня же государство деньги выделяет. А если кто нужный позвонит, а звонок не работает, как я узнаю, что ко мне приходили? А сосед спуститься? И замок не закрывается. Собачка не работает. Вот забуду защелкнуть и приходи, бери, что хочешь.

– Попридержите, Юрий Анатольевич, – Паршин вытаращился на него.

– Мы же замок недавно поменяли. Этот Тарасевич приходил. Может, вообще захотите, чтобы вам ремонт сделали.

– Я всю жизнь горбатился...

– Хреново горбатились, раз государство ваши труды в копейки оценило.

– Да я, Лидии Марковне сообщу куда надо, – Юрий Анатольевич отклонился, словно хотел обозреть наглеца сразу с головы до ног. Глаза его заходили вверх вниз, сверкая бельмами. Губы стиснул так, что за усами их не стало видно. И

давай охаживать Паршина презрением, вдоль и поперек. Вид надо признать у пенсионера был более чем воинственный.

– Да сообщай. Вас таких важных десятки по городу, а я один. И вообще, мне все равно – дадут поручение, я вызову электрика или кого там. А нет, так пошел к черту.

Паршин круто развернулся и шагнул к двери, – вот еще, – он остановился, – это наш новый сотрудник, Егор, как тебя? – Он мрачно посмотрел на коллегу.

– Владимирович.

– Вот, Владимирович, теперь ему мозг выносите. Пошли, Егор.

– Да по стойте, куда же вы? Погорячился я, бывает, – улыбка вновь растянула тонкие губы пенсионера, – нет, так нет, чего так волноваться. Проходите, обувь можете не снимать, – он засеменял по коридору, приглашая гостей пройти. Смена декораций на лице пенсионера была настолько разительной, что Егор поразился, то ли его актерским способностям, то ли моментальной отходчивости.

Паршин еще с минуту повздыхал, пофыркал, но предложение принял. Не разуваясь, они прошли в комнату с высокими потолками и лепниной по карнизу. Выглядела она мрачновато; старая покосившаяся мебель, темные углы, паутина, колышащаяся сквозняком из разошедшихся рам, протертый до дыр ковер, выцветшие обои и шорохи крысы в клетке на подоконнике.

Заискивающе заглядывая гостям в глаза, Сивков утруждал их бестолковым разглагольствованием, а потом показал новые рисунки в альбоме. Он с таким интересом комментировал и водил пальцем по изображению, что у Егора сложилось впечатление, что ради этого и была заключена мировая. Глаза пенсионера блестели. Он пояснял и хихикал.

Художествами были перерисованные карикатуры из газет и журналов. По большей части похабные. Пенсионер рисовал цветной тушью. Подобно рефлексующему подростку он переворачивал очередную страницу, стеснительно прыскал в кулак и сбивчиво, торопливо, словно боялся, что его не дослушают и упустят суть, бросался в комментарии. Пояснял то, что и так было

совершенно понятно. Он захлебывался от восторга к самому себе и едва сдерживался, чтобы не зарыдать от умиления. Местами он подвизгивал. Его усики напоминали живую волосатую гусеницу – были в постоянном движении.

Под конец, когда Егор с Паршиным уходили, Сивков попросил в следующий раз принести домино, за прошлый месяц журнал «Семь дней», в библиотеке взять «Два капитана» – решил перечитать, газету «Гудок», которой можно бесплатно разжиться в универмаге на площади, тюбик моментального клея «секунда» – приклеить отколовшуюся от чашки ручку, цыганскую иглу, не сказал зачем и под конец заказал пакетик леденцов со вкусом мяты. Паршин пообещал, но по его лицу и интонациям было понятно, что даже не старается запомнить.

– Чуть не забыл, – он вытащил из кармана куртки цилиндрок с аскорбинкой и яблоко, протянул старику.

– Ага, – тот взял, не заостряя внимание и не благодаря. Снова переключился на свои картинки. Потом вдруг прервался и спросил.

– А «скелетонов» не принесли?

– Он по-моему чокнутый, – предположил Егор, когда они вышли на улицу.

– Есть чутка, но не все так безнадежно, – загадочно ответил Паршин. Отчего у Егора возникло подозрение, что с этого подопечного он тоже что-то имеет.

– Ну, вот и все. – Паршин достал из кармана яблоко и смачно хрумкнул. – Была еще Федотовна, но она померла. Ох, дала бы она тебе жару. Тупая. Капризная, а как у нее в доме воняло, ты бы знал. Без респиратора лучше не соваться. Я ей авоськи на крыльце передавал. Единственное, что у нее было хорошего, это коза. Молочко отменное. Федотовна за полцены уступала. А соседка ее жлобская. Ни копейки не скинет и то слышал Жанна, говорит, что кислое. Придется на рынок перебираться, а там еще дороже, – он соорудил кислую физиономию и повозил пальцами, словно отсчитывает манеты.

Егор уже две недели самостоятельно обходил дозором свои владения. Вполне освоился и линию поведения, заданную Паршиным, поддерживал. Исправно приходил на работу, исправно навещал подопечных и исправно зачеркивал в календаре каждый день, проведенный в ссылке. Как-то раз он появился в пожарке, но парни только подтрунивали над ним и его новой работой. Ромик Сыскин обозвал его – старикашенским подтиральщиком. Все смеялись, даже друг Женька Козуб. Егор тоже усмеялся над своей судьбой, но оставив пагарку за спиной, проклинал тот день и ту старуху, которая выползла из горящей комнаты.

Сегодня первым в списке стоял Кокушкин. Егор нес ему бланки заявления на дотации, социальную помощь и чеки за оплату лекарств. Противная морось кружила в прохладном воздухе, словно кашляло само небо. Без настроения с остатками копоти от жуткого сна он брел по пустой улице и чувствовал себя скверно. Кругом ни души. Что-то в этом было непривычное и ненормальное, легкое чувство беспокойства, смешанное со страхом, заерзало внутри. Егор отмахнулся от наваждения, закурил и побрел дальше.

Крики боли вперемешку со стенаниями он услышал еще на лестнице. Егор прислушался. Голос принадлежал женщине и доносились с верхнего этажа. Перепрыгивая через две ступени, побежал вверх. Он остановился напротив двери, из-за которой доносились крики и громко постучал. От волнения пробила дрожь, ладони взмокли, а от быстрого бега сердце бухало в грудь тараном. Пока скакал по маршам и площадкам, в голове промелькнуло десятки мыслей; режут, насилуют, избивают, ударило током, перелом, защемило пальцы. И все это в картинах и лицах. Белое брюхо с плавниками медленно опускалось с потолка, насыщалось красками и разбухало.

Дверь открыли не сразу. Когда Егор уже собрался постучать вновь и на этот раз сильнее. Сжал кулак, замахнулся, но щелкнула щеколда и в дверном проеме показался растерянный вспотевший, с прилипшими ко лбу волосами Кокушкин. Он смотрел на Егора снизу вверх увеличенными через очки глазами. И без того жалкий, сейчас он выглядел просто раздавленным.

– З-здрасти, – заикаясь сухо, словно его горло было забито соломой, произнес он.

– Здорово, кто кричит? – Егор заглянул ему за плечо, отодвинул и уверенно шагнул через порог. Кокушкин отступил, пропуская его. Он не переставал заглядывать попеременно то в левый, то в правый глаза Егору, словно хотел что-то там рассмотреть.

– Она, мама, – тихо сказал он, – расшумелась сегодня что-то, это ничего, бывает у нее так.

Егору показалось, что сын учительницы пытается его успокоить, и не дай Бог накликают на себя гнев, что позволил такому случиться. Егор быстрым шагом подошел к боковой комнате, вскользь посмотрел на замок на торцевой комнате и толкнул дверь. На матрасе, расстеленном на полу у стены, в ворохе тряпья лежала старая женщина с перемотанной махровым шарфом головой. На газете возле нее стояли различные пузырьки и пластинки с лекарствами. К верхней трубе у батареи была привязана за толстую леску алюминиевая ложка. В углу стоял чайник с деревянной ручкой. В комнате пахло застоялым потом и лекарствами.

– Божечка, за что так, – в полузабытье стенала женщина. Желтое морщинистое лицо со впалыми глазами блестело от пота. Редкие волосы выбились из-под махрового шарфа и грязными сырыми нитями приклеились к выпирающим скулам.

– Божечка, нет сил больше, что же это такое, – бледными губами едва шептала женщина.

– Ой!!! – вдруг она закричала, громко, пронзительно и дернулась, словно ее ударили по ребрам палкой. У Егора сердце екнуло, от неожиданности он вздрогнул.

– Ой!!! Гера... Ой!!! Больно-то как!!! Федя.

– Мам, здесь я, – из-за спины Егора выскочил Кокушкин, упал на колени рядом с матрасом, словно приготовился молиться, наклонился, почти лег, и взял обеими руками высушенную кисть женщины. Зашептал, – ну, потерпи, мамуля, сейчас пройдет, потерпи чуть – чуть, пожалуйста, – жалобно, умоляюще шептал Кокушкин, сжимая и гладя руку матери.

- Что с ней? - оправившись от шока, Егор подошел к больной. - Какой номер скорой? - он торопливо полез в карман за телефоном.

- Ой, сейчас... - женщина захлебнулась криком, из уголка глаз потекли слезы. С минуту она лежала неподвижно с исковерканным болью лицом и казалось не дышала, а потом тихо выдохнула - простонала.

- Как же больно, Федя.

- Номер говори, - гаркнул Егор. Его сердце тревожно билось, казалось, они теряют время, еще приступ и женщина не выдержит.

- А!?! - Кокушкин резко обернулся, словно только заметил присутствие Егора. На его верхней губе выступила испарина.

- Номер!

- Я уже позвонил. Они едут. Мам, я уже позвонил, - Кокушкин снова склонился над матерью, - они уже едут. Скоро будут. Уже потерпи, мамуль, немножко. - Он тербил косточки матеренной ладони в своих руках и все заглядывал ей в глаза. По его вискам текли капельки пота.

Прежде, чем в комнату неспеша зашла женщина врач с медицинским чемоданчиком, несколько пароксизмов сотрясли больную женщину. Она уже балансировала на грани забытья, когда доктор присела на предусмотрительно подставленный суетным, заискивающе заглядывающим в глаза Кокушкиным стул и взял ее за запястье. Она о чем-то спрашивала Кокушкина, тот запинаясь отвечал. Егор их не слушал, он все смотрел на измученную женщину, которая в полубреду мотала головой по измятой подушке и стонала.

- Какое обезболивающее даете? - донесся до Егора голос. Он оторвал взгляд от больной и посмотрел на врача.

- С- спазмалгон, - прошептал Кокушкин.

- Вы с ума сошли. Вам разве врач не выписывал?

– Выписывал, но они, – Кокушкин посмотрел на Егора.

– Они закончились.

Егор больше не слушал и не смотрел, развернулся и вышел из комнаты пропитанной болью и страданием. У него было ощущение, что он сам вкалывал иглы в изможденное тело женщины, сам выкручивал руки и раскалывал ей голову, сдавливал ее обеими руками так, что она трещала, как спелый арбуз.

Он скорее сбежал по лестнице и выскочил на улицу. Жадно втянул прохладный сырой воздух. Он быстро шел в контору, в носу все еще стоял запах горячего пота и лекарств, а в ушах звенели стенания и крики боли.

Паршина в соцзащите не оказалось. Егор спросил у Изотовой, куда его направили. Женщина ответила, что тот пять минут назад звонил с почты, сказал, что попал в перерыв и ждет. Напрямик через пустырь Егор быстрым шагом шел к почте, опасаясь не застать там коллегу. Ноги разъезжались на склизкой тропинке, грязь налипла на ботинки. Вымахавший до пояса пустырник шуршал о куртку, засохший репейник цеплялся за брючины. Егор торопился, горячий воздух парком вырывался из его приоткрытых сухих губ.

Оказавшись у почтамта – деревянной избы из почерневших бревен с шиферной крышей, с голубой табличкой, Егор в растерянности завертел головой. Подергал за дверную ручку, дверь была заперта. Он посмотрел на расписание, затем достал телефон и уточнил время. До открытия оставалось пятнадцать минут.

– Опочки, – вдруг послышалось сзади. – Кто это тут у нас тут?

Егор обернулся. Из-за угла почты, с сигаретой в зубах вышел Паршин. Он остановился и хищно прищурил правый глаз, казалось, чувствовал неприятность. – Тебя, что, тоже за пенсиями послали?

Когда Егор подошел, тот подмигнул, растянул тонкие губы в широкой улыбке и протянул руку.

– Здорово.

Егор с минуту смотрел то на руку, то на Паршина. Пока колебался, запал его заметно угасал. Он уже не так кипел праведным негодованием и в голове не так отчетливо слышались крики больной женщины. Он пожал протянутую руку и подумал, стоит ли ему вообще вмешиваться. Чтобы не растерять последние крохи намерения, пересиливая себя сказал.

– Сегодня у Кокушкина был. Там скорая приезжала к его матери. Я слышал, как она кричала.

Помолчал и добавил.

– Ты это, не забирай у нее больше таблетки. Она страдает.

– Ты из-за этого сюда прискакал? – спросил Паршин. Губы его поползли в кривую усмешку.

– Поорет и перестанет. Скорая ведь приехала. Ей даже лучше, внутримышечно дозу получит.

Цинизм с которым Паршин это произнес взбесил Егора. В голове что-то перещелкнуло и замутилось. Он схватил Паршина за куртку.

– Послушай, Костян, хारे трясти со старухи таблетки. Она больная, дай ей спокойно помереть. Ты понял?

Все время пока Егор тряс Паршина за куртку и выговаривал, тот не сопротивлялся, болтался в его руке, как ветка и с наигранным клоунским непониманием смотрел на него. Сигарета вывалилась из его рта.

– Все? – спросил Паршин, клацая зубами, когда Егор, уже ничего не говорил, а просто его тряс и сверлил взглядом.

– Все, – Егор отпустил Паршина.

– Ты бы видел сейчас себя со стороны. Настоящий псих. – Паршин усмехнулся и мотнул головой. – Сегодня как раз к Червяку твои этот, психолог заходил, Алексеев, что ли. Спрашивал, как ты тут справляешься? Червяк меня вызвал. –

Паршин замолчал, одергивая куртку. Егор отвернулся, и стоял в пол-оборота. Выплеснув свой гнев он не знал, что делать и чувствовал себя по идиотски. Он не смотрел на Паршина, но услышанное, заставило резко поменять вектор мысли. Паршин не спешил продолжать. Достал из кармана куртки пачку с сигаретами, выбил одну и протянул Егору. – Будешь?

Смущенный и раздосадованный Егор взял «кент». Он уже сожалел, что так грубо обошелся с коллегой. Ведь все можно было уладить мирно, просто поговорить. А этот всплеск неуправляемого гнева вполне может быть использован против него. Тем более, что Алексеев следит за ним, как коршун. От мнения психотерапевта зависит его будущее. Егор это прекрасно понимал и сказанное не мог пропустить мимо ушей.

– И что ты сказал? – спросил он, прикуривая от зажигалки Паршина.

– Сказал..., – он замолчал, прикуривая свою сигарету, – сказал, что все пучком. – Паршин выпустил струю дыма и пристально посмотрел на Егора. В его взгляде стоял немой упрек – я для тебя, старик, столько делаю, а ты так со мной поступаешь. – Сказал, справляешься на все сто процентов. А на вопрос, такой подковыристый вопрос. – Паршин усмехнулся. – Насколько психически уравновешен ты в общении с пожилыми людьми, сказал, как сам Христос. Думаю, я был убедителен. Хотя Червяк и метал в меня молнии, но я против своих не попру. Ведь так, Егорыч?

– Да уж, – пробурчал Егор, щурясь от едкого дыма, стараясь не замечать парящую над фонарным столбом рыбу. Он был благодарен, что Паршин за него замолвил словечко, но сейчас сказать об этом не мог.

– Алексеев твой сказал, что еще придет и не раз. Ты имей в виду. Сколько тебе осталось? Два месяца? Не бойсь, старичок, прорвемся. Только надо вместе держаться. Ведь так? – Паршин похлопал Егора по плечу.

– Так, – пробурчал Егор. Он в полной мере почувствовал влияние Паршина на свое будущее и смекнул, как надо себя вести. Он выкинул бычок, что-то пробурчал про работу, что, мол, идти надо и поплелся прочь. Чувствовал себя мерзко и, что его прижали к ногтю, надавили на самое больное место, заставили играть по чужим правилам. Минуя контейнер приема цветного лома на углу Чапаева и Союзной, он вспомнил, что так и не отдал бланки заявления

Кокушкину. Понял, что сегодня подняться к ним уже не сможет и отложил на следующий раз.

Без настроения, со смутной тревогой, прокручивая в мыслях слова Паршина об Алексееве, он направился в «Караганду», купить продукты по списку для Стеллы Аркадьевны.

Через полчаса с целлофановым пакетом он стоял на площадке третьего этажа и тянулся к звонку, когда в полумраке подъезда заметил полоску света, пробивающуюся между полотном и косяком.

– Стелла Аркадьевна, – Егор тихонько постучал по косяку и зашел в квартиру. Из большой комнаты доносилась какая-то возня, вздохи, страстный шепот и томный смех хозяйки.

– Стелла Аркадьевна, – громче проговорил Егор. Звуки стихли. С минуту в квартире висела гробовая тишина. Егору показалось, что те, кто притих в комнате, надеются, что нежданный визитер уберется к чертям собачьим. Но ему надо было, чтобы подопечная расписалась на кассовом чеке.

– Стелла Аркадьевна, – Егор прошел и заглянул в комнату. На диване, полулежала растрепанная Стелла Аркадьевна в своем китайском веселеньком халатике, с обнаженным плечом, с размазанной по губам помадой, растрепанная, а над ней нависал распаленный с красной физиономией, с бешеными блестящими глазами Червяков. С минуту они смотрели на Егора, Егор – на них. Затем Червяков дернулся, словно ужаленный и сел на диван. Стал суетливо застегивать на рубашке пуговицы. Ежесекундно он вскидывал на Егора злобный взгляд, мол, ты еще здесь. Единственное, подумал Егор, ему сейчас не хватает сказать: «Это не то, о чем ты подумал». Хозяйка, храня на помятом лице похотливую улыбку, медленно села, поправила прическу, – что же вы без разрешения, как вас там, Егор, вроде?

– Прошу прощения, – проговорил Егор опуская взгляд, – я стучался... принес вам продукты, поставлю на кухню. Надо бы расписаться на чеке.

– Оставь. Я возьму, – поспешно сказал Червяков и еще, что-то хотел добавить, но Егор развернулся, тоже поспешно и прикрыл за собой дверь. Осторожно ступая, он прошел на кухню, оставил пакет на полу, чек на столе и вышел. Громко

хлопнул входной дверью, когда уходил, чтобы влюбленные слышали. Все это время из комнаты не доносилось ни звука, словно они ждали пока Егор, наконец, уберется, и они снова смогут предаться утехам.

«Какой идиотский день», – думал Егор, спускаясь по лестнице. Он чувствовал неловкость и злился на себя, что тихо постучал, на Червякова и Стеллу Аркадьевну, что оставили дверь не запертой. Ему стало понятно, почему над пышущей здоровьем женщиной социальная служба взяла опеку. Стелла Аркадьевна оказалась не бывшей, как говорил Паршин – школьной любовью Червякова, а настоящая. Она смогла снова раздуть в его омертвелой душе пожар. В то же время, вспоминая неловкое поведение Червякова и обзревая всю ситуацию в целом, Егор подумал, что это компромат, и он может при случае разыграть эту карту. Будь он в иных отношениях с замом, в его голове даже мысль не шелохнулась в эту сторону. Но учитывая неприязнь, возникшую между ними, Егор понял, что заимел козырь. Хотя, вряд ли сможет им воспользоваться. Но пусть будет.

Егор решил закончить рабочий день и побрел домой, раздумывая о перипетиях, случившихся с ним за этот короткий день. Квитанция по оплате коммуналки, предназначенная для Жанны Евгеньевны, осталась лежать в заднем кармане брюк. Больше остальных занимал мысли визит Алексеева. Беспокойство и тревога погромыхивали раскатами грома на горизонте, темные грозовые тучи сгущались и затягивали безоблачное небо.

Глава 4. Почему приплывает рыба

Эта ночь не оказалась исключением. Она была наполнена кошмарами, только старухи, вытягивающейся расплавленной пластинкой, в его сне не было. Ее место заняли Сивков в компании чернильного чертика, грудастой карикатуры и костлявого козла. Богдан с деревянными протезами вместо конечностей, который ходил, не сгибая ног, как на ходулях. Жанна Евгеньевна с оскалом из огромных лошадиных золотых зубов и сверкающими бриллиантами вместо глаз. От нее исходил какой-то металлический скрежет, словно внутри работал сильно изношенный механизм. Стелла Аркадьевна с некрасивыми размазанными губами, постоянно гримасничала, словно режиссер за кадром командовал ей выражать мимикой разные чувства. Кокушкин сросшийся, как сиамский близнец,

спиной со своей больной матерью. Он низко наклонялся вперед, кряхтел и перетаскивал ее, как мешок, с места на место, и стоило ему выпрямиться, чтобы опустить ношу и передохнуть, как женщина начинала кричать, – Ой!! Как больно, Федя. Он что-то шептал наклонялся вперед и переносил ее в другое место, чтобы повторилось все снова: «Ой!! Как больно, Федя». Хазин кружил на каталке, а изо рта и ушей сочилась какая-то жидкость, и не было сомнений, что это водка, а сам он был весь проткнут изнутри осколками бутылки. Прозрачные зубцы хищно выпирали из груди и боков. Но крови не было. Мария Афанасьевна с терновым венком, волочила за собой кресло-качалку с длинным прямым бревном завернутым в плед, венчающимся головой Леонида Павловича. Старик пустым стеклянным взглядом царапал небо, оставляя в белых кучевых облаках борозды.

Все они ходили в круге света по деревянному полу, а сверху сыпался большими хлопьями серый пепел. Он оседал у них на плечах, на коленях, волосах. Падал под ноги и они его растирали по доскам, оставляя черные мазки. И все, когда поворачивались спиной к Егору, сзади оказывались тлеющими паленьями, только без дыма. Сотни огоньков в выжженных полостях обуглившейся древесины переливались, словно на них дули.

Потом кошмарный гвалт вместе с площадкой стал удаляться, оставляя Егора в темноте. Он присмотрелся и оказалось, что они не удаляются, а уменьшаются. Из воздуха возникла клетка и заточила компанию внутри себя. Карикатуры бегали, суетились, налетали друг на друга и никого не замечали. В какой-то момент они стали все перевоплощаться. Первым из клетки обратившись в ушастую крысу, выскользнул Сивков, за ним вытек Хазин, Жанна Евгеньевна превратилась в паука и, переставляя свои многочисленные волосатые лапки, быстро убежала. Стелла Аркадьевна протискивалась сквозь заграждения, но голова застряла. Она пищала, упиралась руками изо всех сил, пока ее голова, наконец, не растянулась, словно резиновая и не выскочила наружу. Коптевы превратились в ангелов и выпорхнули, сложив на груди подобострастно руки. Кокушкин с матерью превратились в скелет лошади с двумя головами. Они кружили и брыкались, пока не ударились о прутья и не рассыпались. Богдан трансформировался в бульдога и с выжженным тавро в виде шашечек на боку с рычанием выскочил вон, словно увидел кота.

Когда они все разбежались, на середине клетки кверху лапками осталась лежать канарейка. Именно эта птица с желтым брюшком и вызвала в нем неопиcуемый ужас, потому что она была с человеческим лицом. С его лицом. От страха Егор проснулся. Сердце гулко билось в груди. По телу расходилась

дрожь. Он облизал сухие губы, во рту чувствовался неприятный привкус.

Несколько минут Егор лежал неподвижно в кровати, боясь пошевелиться. Затем поднялся и побрел на кухню. На ощупь включил выключатель. Тусклый свет вспыхнул под плафоном, осветив сидящего за столом Паршина. Он вытянул вперед ноги, с грязных ботинок отвалилась грязь и лежала, словно куча дерьма на бежевом линолеуме посреди кухни. Заметив Егора, Паршин сделал движение, словно, что-то прячет под стол. Егор наклонился и заглянул. На него смотрела фи́га. Егор резко выпрямился. Паршин хищно лыбился, его нижняя челюсть мелко подергивалась, словно у невротика. Егору казалось, улыбнись тот шире, и покажется волчий оскал.

– Опачки, что это у нас там такое? – Паршин вытащил руку из под стола, но на месте кисти была клетка. Причем ее прутья были выточены или вылиты в различные фигурки. – Не фи́га себе, – Паршин наигранно удивился. С выпученными глазами и вытянутым лицом посмотрел на клетку затем на Егора. В страхе Егор попятился к двери. Хищно лыбясь, Паршин медленно вылез из-за стола и двинулся к Егору, заноса руку – клетку над головой. Клетка увеличивалась и скоро стала размером с человека. Егор развернулся и бросился прочь из кухни, но тут же наткнулся на Алексеева. Тот скалился и прожигал его взглядом. Хлоп. Клетка с лязгом опустилась на пол, заключив в свое просторное брюха Егора. Он разглядел, что фигурки вместо прутьев это его подопечные: Сивков, Богдан, Жанна Евгеньевна, Стелла Аркадьевна, Кокушкин с матерью, Хазин и Коптевы. Они все в животном страхе косились на Егора проткнутые прутьями, а в это время над клеткой нависали два чудовища, скалились и разговаривали тягучими басами, словно слова резиной вязли у них на зубах.

В ужасе Егор проснулся. Тело взмокло, он чувствовал жар и неприятное влажное одеяло. В комнате было душно. Он хотел встать и выключить обогреватель, но сразу не смог. Тело не слушалось. Спустя пять минут, наконец, он заставил себя подняться. Прошел на кухню и прежде, чем щелкнуть выключателем, прислушался. Вспыхнул свет. Еще некоторое время он стоял на пороге и осматривал комнату. Никакого Паршина там не было, как и отпечатков его следов, линолеум блестел чистотой. Егор переступил через порог, прошел к столу и взял сигареты. Присутствие Паршина все еще ощущалось. Егор выбил из пачки одну и поднес к губам. Рука мелко подрагивала. Страх блуждал внутри тела свободным зарядом, постепенно терял мощность. Выпуская очередную струю дыма, Егор думал о сне. Теперь вместо одной старухи призраков стало девять.

Остатки ночи он провел перед телевизором, то проваливаясь, то плавая где-то на поверхности зыбкого сна. Встав по привычке раньше будильника, кипятил чайник и думал о клетке. С железными прутьями она стояла в центре. Все кошмары были связаны с ней. Егор вспомнил, что видел клетки у Паршина в холодной комнате, у Сивкова с крысой на подоконнике, у Жанны есть канарейка, у Коптевых попугаи. Не зная чтобы это значило, Егор позавтракал и ушел в контору.

Ему повезло не встретиться с Червяковым и с Марковной. Он обрадовался, что на его вопрос, где Паршин, Татьяна Михайловна ответила, что еще не приходил. Зато была Варя, которая стояла у шкафа с документацией и вытаскивала папки с бумагами. Она иногда заглядывала в соцслужбу для выполнения разовых поручений.

- Привет, Варь, - Егор махнул ей рукой.

- Здравствуй, - девушка улыбнулась.

- Ты сегодня к кому? - спросил Егор.

- Сегодня я канцелярская крыса и, кажется, целый день буду разбирать бумажки.

Женщины за соседним столом замолчали и оглянулись на Варю. Она сконфуженно улыбнулась и отвернулась к шкафу, сосредоточившись на работе. Неловкое молчание в комнате постепенно вновь наполнилось голосами. Варя быстро посмотрела на сплетниц, затем повернулась к Егору.

- А ты куда?

- Сначала к Жанне Евгеньевне, потом к Модесту Павловичу и на закуску ангелочки Коптевы. Потом на почту еще и в аптеку.

- М-м-м, - Варя кивнула. Разговор не клеился.

- Ну, тогда ладно, я поскакал, - нарушил Егор неловкое молчание, обернулся на женщин, скорчил физиономию и показал их затылкам язык.

Варвара улыбнулась.

Он вышел на улицу и быстрым шагом пошел вдоль здания, намереваясь поскорее скрыться от начальничков. Благополучно достиг края стены и юркнул за угол. Несмотря, на грязь, липнущую к подошвам, Егор не стал возвращаться на асфальт и пошел через двор. Сквозь серые тучи проглядывало мутное солнце, словно на него смотришь через бутылку с грязной водой.

Егор достал телефон, набрал номер Жанны Евгеньевны.

- Алло, - после пятого гудка в трубке послышался сухой дребезжащий голос.

- Жанна Евгеньевна, здравствуйте! Жутко извиняюсь, если вам что-то нужно кроме груздей и молока, я вам это принесу. Вчера плохо себя чувствовал...

В трубке слышалось лишь тяжелое дыхание.

- И поэтому не успел, вернее не смог, а сейчас еще все закрыто. Если хотите, зайду после двенадцати и принесу ваш заказ. А пока навещу больного старичка.

- В двенадцать и не забудьте квитанцию, - прозвучало в трубке менторским тоном и связь разорвалась.

- Стерва, - прошипел Егор и сунул телефон в карман.

Прежде чем навестить больного старичка, Модеста Павловича, Егор зашел в магазин и купил по списку продукты, а помимо, бутылку «забайкальской», на оставшуюся мелочь купил себе пачку «кэмэла».

Едва Егор стукнул согнутым пальцем о железную накладку на замочной скважине, как сразу же щелкнул замок и дверь распахнулась.

- Ну, наконец-то, голубчик.

В полумраке коридора Егор не сразу разглядел старика. Он не сидел в привычном кресле - каталке, его голова не мелькала грязной макушкой на уровне пояса, а руки согнутые в локтях не перебирали хромированные обручи.

Модест сидел на полу, привалившись к стене, вытянув перед собой неходячие ноги. Его влажные белки блестели из полумрака.

– Я уже думал Богу душу спроважу. Беленькую, беленькую принес? – с заискивающим раболепством старик взирал на Егора. Голос дрожал и Егору, казалось, он всхлипывает.

– Да, а с тобой, Модест, что? Почему на полу?

– Подними меня, голубчик. Прав, милейший, не гоже старцу хоть и потасканному, чреслами доски греть. Колыбелька моя разладилась, ехать не хочет, – кряхтел Модест, когда Егор его поднимал. От академика пахло грязным телом и мочой. «Он обмочился под дверью», – подумал Егор. С брезгливым выражением, взял старика на руки. Почувствовал невесомость, его ветхость, тонкие косточки и подумал, как он хрупок. Стоит отпустить руки, тот упадет на пол и рассыплется, как спички из раскрытого коробка. Он даже услышал сухой звук палочек с серными каплями на концах, разбегающихся по деревянному полу. Егор внес Модеста Павловича на кухню и усадил на стул.

– С каталкой-то что?

– Голубчик, – Модест умоляюще посмотрел на Егора и скривил жалостливую физиономию. – Не томи.

Егор вернулся в коридор и принес пакет с продуктами и водкой. Старик с прямой спиной, весь натянутый, словно его вот – вот сведет судорога, простонал.

– Рюмочку.

– А, ну да. – Егор полез в посудный ящик достал рюмку, хотел было и себе взять, но вспомнил, что надо еще идти к Жанне Евгеньевне и передумал. Хазин заметил заминку, и в его взгляде появилась тревога. Егор пару раз не отказывался от приглашения разделить трапезу. Но тогда был вечер, академик был последним, а сейчас утро. Старик сразу смекнул, что его опасения беспочвенны и доброжелательно произнес.

– Голубчик, будь ласков, составь престарелому мужу компанию. Распей священный кубок или пропусти по маленькой, протащи рюмочку, зашиби чарочку, выкушай горькой, «Пойдем, брат, сирота, с обиды тарарах по единой», – Чехов. – бормотал с придыханием Модест Павлович под дробный звон горлышка о рюмку и бульканье.

– Зря, зря, голубчик, – хозяин нервно облизал губы. Взял рюмку и отвернулся к окну. Жадными громкими глотками опорожнил тару, сморщился, словно съел лимон, замер на минуту, а потом выдохнул так, словно гору с плеч сбросил и повернулся. Это был другой человек. В нем словно развели огонь. Щеки порозовели, казалось, кровь снова заструилась по венам, и он оттаял от внутренней стужи похмелья. С глаз спала мутная пелена, словно растаяли заиндевелые окна и потекли. Его взгляд увлажнился. Тело стало мягким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/labin_andrey/chernye-sny

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)